

STALKER.

АНТОН СМОЛИН

ВРЕМЯ ВЕРЕМЕН

STALKER: THE CHERNOBYL ZONE

Для сталкера по прозвищу Кекль очередной день в Зоне начался ничем не примечательнее остальных. По пути в «100 рентген» Кекль встречает двух кинутых проводником туристов-экстремалов, которых за умеренную плату взялся довести до Периметра. Откуда ж ему было знать, что начавшиеся в худшую сторону изменения в Зоне и его, казалось бы, случайная встреча с обычными на первый взгляд туристами — тесно связанные между собой явления?..

Смолин Антон Валерьевич

Время перемен

S.T.A.L.K.E.R

Утреннюю тишину разорвал близкий разрыв гранаты, выдернувший меня из объятий сладкого сна. Я испуганно вскочил, забыв, где нахожусь, ударился головой о трубу и, отчаянно потирая ушибленное место и матерясь, подхватил автомат, чей ремень сполз с моего плеча. Направил ствол АКСУ сначала в один конец трубы, затем в другой. К сожалению, я не знал, где именно сработала растяжка, поэтому опасность может прийти, откуда угодно. Минуты две ещё я прислушивался, потом медленно опустил автомат и снова потёр голову, морщась. Шишка обеспечена. Что ж, раз до сих пор никто ко мне не пожаловал, значит, он подорвался на растяжке, а то и вообще гранату взорвал кто-то наверху. Хотя нет, вряд ли: когда это бой ограничивался одним взрывом?

Я с уверенностью медленно и осторожно двинулся в правое ответвление трубы. На выходе из неё растяжка по-прежнему была на месте, никого видно поблизости не было. Что ж, хорошо...

Развернувшись, я прошёл через всю коллекторную трубу и остановился возле второго выхода. А вот тут лицом вниз лежал... человек?! Я потрясённо помотал головой, надеясь, что просто не до конца проснулся. Да не тут-то было. У него была оторвана левая нога, и не оставалось сомнений, что человек мёртв.

— Пи...! — Я не на шутку перепугался. Растяжка ведь стоит от мутантов, а не чтобы люди на ней подрывались. Вот блин, нашлись проблемы! Теперь если его будут искать, друзья вспомнят, куда он последний раз ходил, сопоставят маршруты всех сталкеров, найдут совпадение с моим — и здравствуй, старушка в чёрном одеянье... И вот объясняй потом, что не специально.

Погодите-ка, а что если... Внезапная догадка дала надежду, и я приблизился к телу, рывком перевернув его на спину.

— Господи, спасибо тебе! — обрадовано сказал я, с отвращением разглядывая лицо, покрытое трупными пятнами и залитое кровью. Зомби. На Янтаре их много.

Когда я уже собрался возвращаться к месту ночлега, мой взгляд невольно упал на рюкзак, висящий на спине мертвеца. А вдруг там хабар? Глупо оставлять то, что можно забрать, тем более это не преступление — взять имущество у зомби. У мёртвого человека-то не стыдно, так как считается, что ненужное мёртвому может помочь живому.

Но сперва я взял в руки оружие жмурика, что лежало недалеко в траве, и повертел его в руках. Разочарованно цокнув языком, выбросил иссечённый осколками автоматно-гранатомётный комплекс «Гроза» в сторону. Жаль, что оружие не подлежит дальнейшей эксплуатации, — можно было бы выручить у торговцев за него неплохие деньги. Если «Грозу» и можно починить, это намного дороже, чем после ремонта её продать. А, как известно, если расходы превышают доходы, это невыгодный бизнес.

В разгрузке «долговца» я нашёл две «эфки» — в подсумок (пригодятся, новую растяжку поставлю), три «ВОГ-25», предназначенные для подствольного гранатомёта, то есть «долговец» таскал эти гранаты для «Грозы». Мне они на хрен не нужны, потому что я ношу «калаш» и у меня нет к нему подствольника. Лучше носить только то, что может пригодиться, — не нужно отягощать себя лишним грузом и надрываться из-за пяти копеек. От трёх гранат, конечно, не надорвёшься, но если собирать подобную ненужную для себя мелочь, можно и двадцать кило набрать. А может, здесь оставить, а потом забрать и

продать? Да ну, не такая уж и большая это ценность, много не выручишь.

Четыре запасных рожка к автоматно-гранатомётному комплексу я не взял по той же причине.

Ух ты! Да это же... Я, не веря своим глазам, взял в руки чёрную гладкую ручную гранату, которая по размеру в полтора раза меньше любой осколочной. Акустическая! Вот это находка! Как-то мне удалось узреть такой экземпляр в действии. Точнее, услышать. Это была ночь; я находился со своим учителем примерно в трёхстах метрах от Периметра (наставник учил меня незаметно проходить через «колючку» — так Периметр ещё называют), как вдруг так грохнуло! У меня аж уши заложило! На мой вопрос «чего это такое» наставник ответил, потирая ухо: «Акустическая граната. Военные совсем оборзели — такое богатство на мелочь вроде плоти тратят».

Уж не знаю, с каким звуком она взрывается, но, наверное, за две сотни децибелов. Ну, по крайней мере, никак не меньше ста пятидесяти. Если с человеком рядом бабахнет — тот как минимум до конца жизни слышать не будет и в момент разрыва все штаны обгадит. Если нервы ни к чёрту или психика слабая, можно и шизиком остаться. Или, как говорят бандиты, «ущербным организмом».

Конечно, такое добро я, не медля, бережно положил к себе в подсумок. Вчера вечером, когда я сдавал ученикам собранный за трёхдневную ходьбу хабар (собственно, именно по этой причине я и ночевал в сырой коллекторной трубе, а не в «Подсобке» — гостинице при «100 рентген»), Сахаров предложил мне такое громкое чудо. Но цену запросил — мама дорогая! Как за три рожка к «Калашникову». Причем, один из которых набит бронебойными. Я вежливо отказался, обосновав отказ так: «Да патронами, по крайней мере, можно отбиться от мутантов с последующим уничтожением последних, а граната все лишь даст мне фору — минуты три-пять». Но вот против людей — она в самый раз. Однако с людьми у меня в Зоне не было крупных войн (перестрелки с мародёрами не в счёт, потому что они не люди).

В рюкзаке покойника обнаружилось: три банки тушёнки, полторы палки «Докторской», один батон белого хлеба, двухлитровая бутылка с водой, три армейские аптечки, два стандарта антирада и пакет сублимированного армейского сухпайка. Только этот пакет я и взял, потому что, съев его (предварительно высыпав в горячую воду и размешав), человек сутки не ощущает голода — в пакетике содержится суточная норма витаминов. Хоть сухпайк и безвкусный, но в местах, кишмя кишущих опасностями и где малейшее промедление может стоить жизни, он незаменим. Остального добра вроде аптечек и тушёнки у меня было много. Пистолет, пояс, компьютер я даже и смотреть не стал.

Затем я ухватил труп за более-менее сохранившуюся часть тела — правую руку и отволлок от входа в трубу метров на сто с лишним — мне не к чему, когда я сюда снова приду, тратить боеприпасы на падальщиков и нюхать ужасную вонь разложения. Поверьте, этот запах даже хуже аромата, которым веет из канализационной трубы. Да простит меня Бог за такое сравнение, но это очередное доказательство того, что физическое тело — всего лишь оболочка. Человека помнят только по поступкам, которые он совершает в течение жизни.

* * *

Во время завтрака я проверил свой электронный ящик. Во «входящих» было одно

непрочитанное письмо от приятеля по прозвищу Кир, присланное мне, как гласила информация о сообщении, час назад, когда я ещё спал. «Слышь, Кекль, вчера я был на Армейских складах рядом с деревней кровососов. На чердаке одного дома я увидел странное свечение. В бинокль из-за местами осыпавшейся крыши не увидел источник, но убеждён, что это артефакт. Причём не какой-то там грошовый, а «душа» — по цвету свечения. Из-за кровососов побоялся подняться на чердак и вообще зайти в деревню. Дело у меня к тебе есть (но ты, наверное, уже догадался =)): давай сходим, заберём артефакт и поделим деньги за «душу» пополам? Одному через кровопийц не пробиться, нужен напарник, чтобы прикрыл спину и поддержал огнём. Я не знаю в Зоне более честного человека, чем ты! Только ответь, пожалуйста, чтобы я успокоился!»

Ну Кир, ну хитрюга! Знает, чем меня зацепить! Я отбил приятелю ответ: «ОК! Иду!» «100 рентген»! Если повезёт — буду ближе к полудню».

Это, несомненно, было очень выгодное предложение. Во-первых, прибыль, а во-вторых, работать в паре намного проще, чем одному, если люди доверяют друг другу.

Закончив завтракать, я установил возле выхода из трубы, выводящего к научному лагерю, новую растяжку взамен той, на которой подорвался зомбированный «долговец».

Взял леску длиной два метра, привязал один конец к чеке первой ручной гранаты «Ф-1», а другой конец к чеке второй (обе «эфки» «позаимствованы» у «долговца»). Положил каждую гранату на нагромождение камней, чтобы леска не лежала на земле, а возвышалась над ней. Укрепил «эфки» в «гнездах», прикрыл их ветками и присыпал землёй, закинул на спину рюкзак, который заранее вытащил из трубы, взял в руки АКСУ, проверил в карманах разгрузочного жилета наличие четырёх рожков к автомату. Попрыгал, чтобы убедиться, что ничего не гремит. Если я буду ходить по Зоне как одна большая погремушка, то о моём приближении хищники будут знать за версту.

Затем взял с земли пустую банку из-под тушёнки без этикетки с нацарапанной ножом надписью «Зона» на боку и кинул на метр в трубу. Эта банка — условный сигнал для членов сталкерского Братства: труба не занята. В Братство входят абсолютно все и только вольные бродяги — ни «свободовцы», ни «долговцы», ни тем более наёмники и бандиты не знают об этом. Это своего рода традиция и место, где всегда можно безопасно переночевать. Растяжки — чтобы мутанты ночью не забрели и не убили спящего в трубе сталкера. Была идея устанавливать мины, дистанционные взрыватели, но всё это техника и для её обнаружения существует аппаратура. Старые добрые растяжки из двух ручных гранат и лески можно обнаружить только с помощью собственного зрения, а члены Братства о них знают. Если же нет банки и кому-то из вольных бродяг надо переночевать в трубе, он перешагивает через едва заметную, невысоко возвышающуюся над землёй леску и просит разрешения составить компанию. Всё это мне рассказал мой учитель — сталкер по прозвищу Миротворец три месяца назад, убедившись, что я теперь полноправный и бесхитростный член «семьи» сталкеров.

Включив на ПДА детектор аномалий, я отделился от места ночлега и поднялся на пригорок. С его вершины я невольно залюбовался пейзажем, раскинувшимся внизу. Отсюда было полностью видно территорию научного лагеря, опоясанного высоким забором с прогнувшимися внутрь металлическими листами и многочисленными отверстиями от пуль в них.

За лагерем находилось непосредственно озеро Янтарь. По сути, это болото. После Первой Катастрофы тысяча девятьсот восемьдесят шестого года на том месте, где сейчас

находится озеро, ликвидаторы вырыли глубокий котлован, куда свезли часть заражённой техники, участвовавшей в ликвидации последствий аварии и эвакуации жителей из ближайших к Чернобыльской атомной электростанции населённых пунктов. После Второй Катастрофы котлован затопило водой, она постепенно зацвела и так образовалось озеро. Уровень воды (точнее, болотной жижи) в нём был настолько низким, что над поверхностью возвышались крыши автобусов и грузовиков, и можно было запросто пересечь озеро, прыгая по ним.

Янтарь мог быть самой безопасной территорией Зоны, если бы здесь не работала пси-установка. Зомбированные постоянно ходят вокруг бункера, представляющего главную точку научного лагеря, мешая сталкерам пройти к учёным. Чтобы пробиться к бункеру — нужно потратить изрядное количество патронов. Но оплата за выполненные задания (кстати, не очень-то и сложные), которые давали учёные, была высокой. Таким образом, трата дорогих боеприпасов была оправданной.

Я с трудом оторвал взгляд от завораживающего своей таинственностью пейзажа Янтаря и взял курс на Дикие Территории.

Через триста метров после спуска с холма я оказался перед поворотом, который вёл дальше на Дикие Территории. Ещё месяц назад я бы ни за что не пошёл к Бару через эту территорию Зоны, а предпочёл бы пройти по восточной окраине Янтая к Армейским складам и уже с них шагнуть к бару «100 рентген». И всё из-за наёмников, устроивших базу в недостроенном шестиэтажном здании. Они никогда были не прочь «пощупать» путников, идущих через их базу, потому что ничем, кроме хорошего обмундирования, не отличаются от обычных мародёров. Задания, которые наёмники выполняют по заказам, порой настолько грязные и циничные, что, предложи любому вольному ходоку подобное, он, не задумываясь, пошёл бы на... на ЧАЭС.

Но три недели назад «Свобода» под видом богатенького мужика из-за Периметра заказала наёмникам одного «долговца», обитающего в Баре, заплатив довольно приличную сумму из копилки группировки. Задумка себя оправдала: жадные до денег наёмники, наивно полагая, что никто не уличит их в содеянном, ночью по-тихому завалили со снайперки «долговца» и скрылись с места убийства. «Долговцы», найдя товарища мёртвым, подняли тревогу, тщательно исследовали всю территорию Бара, начало Армейских складов и Диких Территорий. В процессе поисков обнаружился портсигар с символом группировки «Наёмники». «Долговцы», по приказу генерала Воронина, обуянные жаждой мести за смерть соклановца, всей базой с Бара собрались и вкатили наёмников на Диких Территориях в бетон. Конечно, без жертв не обошлось — погибло около десяти «долговцев». Таким образом, «свободовцы» остались довольны: и волки сыты, и овцы целы. То есть и конкурентам насолили, и со щитом остались. Да и от гнилой капусты избавились.

Так что ходили сейчас все по Территориям — спокойно.

Свернув на повороте, я от открывшейся передо мной картины резко подался назад и укрылся за кустарником. В Зоне у человека вырабатывается инстинкт: если что-то идёт не так, как надо, или видишь что-то очень странное, нужно этого опасаться. Потому что никогда не знаешь, что за гадость тебе подкинула Зона.

Я раздвинул ветки кустарника и снова посмотрел на странное зрелище.

Странно, подумалось мне, я же сегодня пил воду, обезвоживания быть не может. Тогда что это? Аномалия-мираж?

Чуть в стороне от асфальтированной дороги на траве находились двое человек. Первый, судя по длинным тёмным волосам и двум формам, выпирающим из-под бронежилета в районе груди, был (человек, имеется ввиду) женщиной. Даже девушкой. Она сидела на земле по-турецки, смотря в одну точку перед собой и раскачиваясь верхней частью тела взад-вперёд, словно травинка, колыхающаяся под порывами ветра. По девушке было хорошо заметно, что она, мягко говоря, очень расстроена тем положением, в котором сейчас находилась, и впала в апатию.

С первого взгляда мне стало понятно, кто эти люди (если люди, конечно, а не какие-нибудь новые аномалии) — туристы-экстремалы. Которым в обычной жизни не хватает острых ощущений, вследствие чего они нанимают проводника или даже группу сопровождающих и платят им огромные деньги за проведение для них в Зоне «сафари». Этим туристам, судя по отсутствию рядом с ними людей с оружием и в бронежилетах, попались гаденькие проводники.

Рядом с девушкой по краю дороги вперёд-назад ходил молодой парень в очках. Он бешено жестикулировал руками, изредка посматривая на свою спутницу, и, как оказалось при ближайшем рассмотрении — в бинокль, брызгал слюной. Наверное, он размышлял вслух над тем, что им делать дальше. В отличие от девушки, очкарик не утратил надежды на спасение. Наверняка сейчас говорит, что нужно ничего не предпринимать и дожидаться спасателей.

Даже тот факт, что они были не особо озабочены своей безопасностью, вследствие чего единственное оружие — пистолет — у каждого висел в кобуре на бедре, можно было объяснить довольно просто: они новички и даже в теории мало чего знают (если, конечно, им хоть что-то известно) о представителях мутагенной фауны и флоры Зоны. Чтобы при возможной угрозе воспользоваться оружием — каждому потребовалось бы секунд двадцать. Например, если бы сейчас со стороны туннеля, что дальше по дороге метров на семьдесят от парня с девушкой, выскочил пёс и бросился на новичков, они бы сначала замерли от страха минуты на три-четыре. Потом, не в силах отвести взгляда от приближающегося чудища, на ошуп нащупали кобуру — секунды две; расстегнули её и вытащили пистолет — секунды четыре-пять, трясущимися от страха руками пытаясь передёрнуть затвор. Но потные ладони соскальзывали бы с него, и затворная пружина возвращалась бы в исходное положение. Обычно новичкам, только что пришедшим с Большой земли и привыкшим к беззаботной городской жизни, это удаётся только с третьей попытки — от осознания того, что к тебе приближается чудище, руки дрожат ещё сильнее, чем от мысли, что ты в Зоне.

Я сто раз видел подобные сцены и новичков в восьмидесяти процентах подобных случаев спасают только опытные сталкеры, взявшие желторотиков в отмычки.

У каждого новичка за спиной висело по красному рюкзаку городского типа. В Зоне, например, сталкеры носят рюкзаки, сшитые из крепкой брезентовой ткани и затягивающиеся резинкой. А эти городские рюкзаки — маловместительные и по той причине, что состоят из картона (или какого-то другого мягкого материала?), сами по себе тяжёлые.

На парочке были надеты самые простенькие серые защитные костюмы — одно название — такие не то что от пистолетной пули не защитят, а даже от маленьких доз радиации с трудом. И вот что самое удивительное: костюмчики эти были совершенно чистые, словно только что из магазина — ни тебе засохших кусков грязи на ткани, ни въевшихся комьев земли. В Зоне очень часто идут долгие проливные дожди (порой, ливень сутками не прекращается), после которых земля, смешиваясь с глиной, образует непролазную жижу, представляющую собой почву, пока солнышко не выйдет и не подсушит её. И у человека, прошедшего по такой почве, как минимум штаны до колен сзади будут забрызганы грязью. А если не повезёт, можно встретить пса, который собьёт с ног и повалит на землю, а кровосос может и неслабо толкнуть (ой как эти кровопийцы толкаться любят), дабы было легче присосаться к артерии потерявшей координацию движений жертве. Со мной два месяца назад приключился такой случай: я шёл по Кордону в сторону Свалки, как вдруг услышал рокот вертушки со стороны Периметра. Это было плановое патрулирование военными Зоны отчуждения на предмет наличия людей, нелегально проникших на её территорию. По закону, вояки, если увидят внизу человека, должны спуститься и выяснить, есть ли у него разрешение на пребывание в закрытой зоне, или же он нелегал — сталкер. Если нет разрешения — военные должны доставить нарушителя за Периметр и передать его в руки полиции для дальнейших разбирательств. Но обычно вояки просто-напросто

проходятся очередью по замеченному человеку и мародёрствуют. Сволочи похлеще бандитов!

Так, о чём это я? Ах да... Рокот вертолётá приближался, а поблизости, как назло, не было не единого места, где можно бы было укрыться — серая асфальтовая дорога и не высокая — мне до колен — жёлтая трава. На фоне всего этого в своём тёмно-зелёном защитном костюме я бы выделялся как апельсин на снегу.

Приметив чуть в стороне от дороги в пяти метрах от себя большую глубокую лужу, я проявил смекалку и кинулся к ней. Серьёзно рискуя быть съеденным хищниками, выкинул в сторону автомат (чтобы грязь не забилась внутрь, и АКСУ, не дай бог, вообще перестал быть пригоден для использования; да и тем более на Кордоне не так много мутантов — это самая безопасная территория Зоны, потому что она граничит с Периметром), одним движением отключил ПДА и обвалился в грязи, не заботясь о том, как в дальнейшем буду отмывать костюм. Понятное дело — жить-то охота! Уверившись, что мой внешний вид ничем не отличается от поверхности грязи в луже, я свернулся калачиком и замер. Как раз к этому моменту из-за деревьев вылетел МИ-24. На моё счастье, вертолёт пролетел мимо. Я до сих пор гадаю: то ли военные реально меня не заметили, то ли решили, что такого придурка Зона сама добьёт и нечего на него тратить боеприпасы.

В общем, ну никак не вязался внешний вид двух чудиков с моим представлением о Зоне. Тем более, последний ливень закончился вчера вечером, а от Периметра до Диких Территорий целый день пути. Посему эти двое были бы сейчас чумазыми как афроамериканцы. Тогда, может, они из научного лагеря? Нет, не вяжется — там абсолютно все — даже самые младшие научные работники — одеты в оранжевые костюмы со встроенной системой анализаторов состояния здоровья и автономным медблоком. Да может, они влажными салфетками обтёрлись. Какая разница? Мне всё равно по этой дороге идти, других путей через Дикие Территории к Бару, к сожалению, нет. А если это всё-таки неизвестная миражная аномалия — обойду. Но если это не проделки Зоны, а реальные люди, то можно их ещё довести куда-нибудь за большую плату. Однако, судя по одеянию этой парочки, они не очень-то и платежеспособны в принципе, не говоря уже про настоящий момент.

Я оглянулся и осмотрелся по сторонам, чтобы увериться в том, что мне не угрожает опасность в виде голодных и крайне агрессивных хищников. Удостоверившись в своей безопасности, встал и направился по дороге в сторону заблудившихся парня с девушкой.

Я смотрел не на них, а глядел то на экран детектора аномалий, то на кинутый мной же вперёд болт. И не потому, что хотел набить себе цену или придать липовой важности, а чисто из опасения не вляпаться в аномалию.

Когда парень увидел меня, он потрепал по плечу брюнетку и помахал мне рукой. Я кинул на его по-детски светящееся от радости лицо мимолётный взгляд. Вот дебил! А если бы я был мародёром...

Не дойдя до сомнительной парочки метров двадцать, я остановился, прицепил карманный компьютер к запястью, спрятал в карман болт и, вытянув вперёд руки, снова зашагал по дороге. Если детектор не показывает и брошенный вперёд болт не выявляет аномалию, а тебе кажется, что на твоём пути она точно есть, то существует ещё один стопроцентный способ: вытянуть вперёд руки, распрямив пальцы. Если кончики пальцев слегка покалывает, то впереди есть аномалия. Таким способом по Зоне раньше, года четыре назад, и ходили. Но тогда Зона не была такой опасной, а сейчас нужно всегда держать

оружие в руках.

Кончики моих пальцев никакие неприятные ощущения не беспокоили, потому я уверился, что эти двое — не происки Зоны.

— Говорил же я тебе, что нас будут искать! — радостно говорил очкарик девушке, показывая пальцем в мою сторону.

— Я не спасатель, — осадил я парня, встав в двух метрах от него и осматривая неудачливую парочку.

— Ка-а-ак? — Лицо очкарика вытянулось.

— Но, возможно, смогу помочь.

— Правда? — спросил парень, с надеждой заглядывая мне в глаза.

— Кривда. Для начала расскажите мне, кто вы такие и как здесь оказались?

— Мы из-за Периметра...

— Да ну! — Я вздёрнул брови вверх, изобразив на лице крайнюю степень удивления. — А я-то думал, с Венеры прилетели.

— Можно меня не перебивать? — скромно попросил очкарик. — Вы же сами спросили...

— Да с одного вашего «мы из-за Периметра» всё ясно, — словно издеваясь над парнем, в очередной раз перебил я его, — если не считать внешнего вида и поведения. Дайте, я угадаю: у вас обоих от недостатка адреналина очень сильно чесалось в одном проблемном месте, вследствие чего вы нашли проводника-экскурсовода и отправились в Зону на туристический тур. Потому что если бы человек мог летать, в Зоне от переизбытка адреналина он бы парил в небесах вечно. Короче, то ли проводник вам попался такой гадкий, что с самого начала планировал взять с вас деньги и кинуть одних здесь, что нелогично, потому что он бы не заводил вас так далеко, а бросил бы ещё на Свалке, если не на Кордоне. Но, скорее всего, вы его достали своими дурацкими просьбами вроде «мы хотим посмотреть на живого контролёра» и, получив отказ, говорили «мы же вам деньги платим». Ему это задолбалось и он, дабы не влипнуть с вами в неприятную ситуацию, сбежал. Ну что, я обладаю экстрасенсорными способностями?

— Ну-у, — протянул парень, не решаясь со мной согласиться из страха, что я не буду их никуда вести, — в общих чертах верно, но...

— Подробности меня не интересуют! — жёстко отрезал я. — Мне это нужно было узнать, чтобы убедиться, что вы ненормальные экстремалы-туристы, которым некуда девать денег. Хотя про последний пункт я, пожалуй, загнул.

— Вы нам поможете выбраться отсюда? — меланхолично спросила девушка, смотря на меня широко раскрытыми, влажными глазами и хлопая ресницами (прямо как тот Кот из «Шрека»). — Пожалуйста! Мы уже здесь...

— Так, тихо! — Мне пришлось перебить девушку, потому что она срывалась на визг и у неё, кажется, начиналась истерика. Ещё мне соплей и хищников здесь не хватало. — Обо всём по порядку! То есть вы хотите, чтобы я, отменив все запланированные дела и потеряв немало денег, вёл вас к Периметру? Потратив целый день (ответом мне послужили неуверенные кивки головами)? А вы не слишком ли обнаглели? А?

— Мы заплатим!

— Вот это другой разговор! — Я одобрительно кивнул головой. — Но сомневаюсь, что вы располагаете необходимым количеством средств для оплаты моих услуг.

— Вы ошибаетесь! — Очкарик скинул свой пижонский рюкзачок, расстегнул и стал

что-то искать.

Пока он искал, чем меня задобрить, я, положив руку на ствол автомата, осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться, что мне и моим будущим клиентам ничего не угрожает. Ишь, как поднялся, — с утра был вольным бродягой, а теперь у меня уже клиенты. Бизнесмен, итить!

— Вот, возьмите, пожалуйста. — Парень протягивал мне пачку денег.

Я принял её и пересчитал. Тридцать две тысячи российских рублей. Довольно-таки неплохо!

— Хорошо, я согласен довести вас до Периметра. — Я бесцеремонно засунул оплату за ещё не готовую работу себе в рюкзак. — Но мне непонятно одно: почему вы, если это было у вас с самого начала, не приобрели себе защитный костюм получше? Хоть и поношенный, но наверняка он бы был всяко лучше того угэ, что на вас надето.

— Во-первых, что дали, то и надели, не кочевряжились, а во-вторых, даже я понимаю, что трясти в зонной среде деньгами — опасно для здоровья и жизни. — Очкарик весь сиял — наверное, от мысли, что скоро выберется из Зоны и вернётся домой. Я бы на его месте так преждевременно не радовался...

— А головенка-то немного варит! — похвалил я парня, отчего тот зарделся как рябина в конце августа — наверное, думает, что заслужил похвалы от матёрого охотника за артефактами. — Но если бы проводнику чуть больше денег подкинули, чем изначально обещали, — он бы понял и вам нормальные костюмы дал. Ну, раз главный вопрос решён, то давайте знакомиться. Моё прозвище — Кекль. И не как иначе.

Не особо люблю своё прозвище — по-дурацки оно звучит. Но клички, как и родителей, не выбирают. Как нарекут тебя старшие по опыту товарищи, так и будут тебя все и всегда звать. Прозвища в Зоне дают только за совершённые поступки, причём не важно — достойные или нет. Ещё за привычки — например, если человек любит пить кофе, его, скорее всего, назовут Кофеинщиком или Сердечником. Но никогда за фамилию — Зона — не школа! Мне, например, прозвище дал мой учитель и вот за что: существует редкая, но не обладающая никакими удивительными свойствами аномалия — «глухомань» называется. У неё есть две особенности: первая — образуется она только в направлении с севера на юг. И вторая — если один человек встанет с восточной стороны аномалии, а другой — с западной, то первый не будет слышать ничего с западной стороны из-за преграды — аномалии, а второму будет прекрасно слышно первого.

Обнаружить «глухомань» может далеко не каждый — аномалия испускает очень слабые звуковые колебания и услышит их человек или же нет — зависит от остроты его слуха. В тот раз я что-то улавливал, но не придал этому особого значения, а когда решил хотел спросить у учителя о странном звуке, тот уже начал «воспитательные меры».

Артефакты, которые производит «глухомань», — «глушителями» называются, тоже не обладают никаким чудотворным свойством, разве что могут чуть-чуть снизить для человека звук разрыва гранаты.

Ну так вот: я с наставником шёл по Тёмной Долине и мы наткнулись на «глухомань», о существовании которой, правда, я тогда ещё не знал. Чем учитель и не преминул воспользоваться — послал меня к восточной границе аномалии, сказав, что сейчас кое-что покажет, и приказал смотреть в ту сторону, откуда мы пришли. Сам он зашёл с западной стороны. И сразу стал показывать в сторону ближайших деревьев, бешено вращать глазами и, шевеля пальцами у рта, изображать кровососа и что-то мне кричать. Я хотел подбежать к

нему, но Миротворец отрицательно замахал руками. Тогда я, мягко говоря, очень испугался. И наставнику позже пришлось очень сильно постараться, чтобы доказать мне, что он пошутил. На мой вопрос «а на фиг мне знать про такую бесполезную и неопасную аномалию» он ответил: «Нужно знать все известные на сегодняшний день хитрости и уловки Зоны. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, а ещё лучше — прочувствовать на себе. Поверь мне, когда-нибудь это знание может спасти тебе жизнь». Прав был учитель — знания об аномалиях и мутантах, которые он передал мне, много раз помогали выйти из, казалось бы, безнадёжных ситуаций. Правда, «глухомань» на своём пути я больше не встречал ни разу.

А прозвище я получил вот за что: есть такая птица — кеклик. Её голос — это постепенно убыстряющееся квохтанье. Что-то вроде «кок, кок, кок-кок, кок-кок-кок». Учитель и дал мне такую кличку за то, что во время его надо мной издевательств я голосом, срывающимся на визг, повторял одну и ту же фразу, точнее, набор слов: «Сука... Кровосос... Миротворец... Помоги...» Чем и напоминал ему квохтанье кеклика. Правда, подлинное название птицы ввиду своей схожести на уменьшительно-ласкательное обращение мне не подходило. Представьте себе небритого мужика, всего увешанного оружием, и вдруг — Кеклик!

Из весёлых воспоминаний меня выдернул голос очкарика:

— Эй, с вами всё в порядке?

Я перевёл на него взгляд, потряс головой и спросил:

— Что?

— Я говорю, меня Дмитрий зовут. А её, — он указал рукой на девушку, — Татьяна.

— А не слишком длинно?

— Разве? — осторожно, чтобы меня не раздражать, спросил Дмитрий.

— Прозвище или имя должно произноситься на одном коротком выдохе, чтобы человек быстрее понял, что обращаются к нему. Значит так, Дмитрий: тебя я буду звать Димон, а тебя, Татьяна, Таней.

— А мы прямо сейчас идём? — осведомился Димон. — Мы есть хотим.

— А своё уже всё сожрали, что ли?

— Уже четыре часа как, — жалобно проблеяла Таня.

— В бар поедите, — решил я.

— А бар далеко? — тут же поинтересовался очкарик, склонив в сторону голову по-собачьи.

— Нет. И вообще, за то время, что я буду вести вас к Периметру, постарайтесь, пожалуйста, не задавать дурацких вопросов. Хотя здесь много чего вам будет непонятным, а потому и все ваши вопросы вроде «а чё эт там воздух рябит» мне, человеку, знакомому, я надеюсь, с большинством превратностей Зоны, будут казаться дурацкими. Так что лучше вообще ничего не спрашивайте, заткните варежку и идите за мной молча. Да, кстати, будете идти за мной след в след и это не шутка. Разглядывайте на земле следы моих ботинок и наступайте точь-в-точь в эти углубления. Если всё-таки назреет стоящий вопрос, в чём я сомневаюсь, окликнете меня и, когда я остановлюсь, со своего места в отряде воспроизведёте возникший вопрос.

— А если мы просто подойдём к вам сбоку? — всё-таки задал дурацкий вопрос Димон, снова склонив голову по-собачьи.

Интересно, он так каждый раз делает, когда чего-то не понимает, или когда задаёт

дебильные вопросы?

— Сдохните, — просто пояснил я, после чего лица моих обоих клиентов побледнели.

— Продолжу инструктаж по технике безопасности: оружие вы должны всегда держать в руках, потому что опасности в Зоне могут появиться откуда угодно и когда угодно. И кровосос не будет ждать, пока вы расчехлите свой пистолет, снимите с предохранителя, хорошенько прицелись в него и отойдёте на всякий случай. У сталкеров имеется два вида оружия: основное — винтовка, автомат или дробовик и дополнительное — пистолет, нож и у некоторых в этом списке есть ещё один пункт — мачете. Основное оружие должно быть всегда готово к бою — снято с предохранителя и находиться в руках. А если нет основного — мало ли, потеряли вы его или заклинило — есть дополнительное. Которое, если нет основного, тоже должно быть готово к неожиданному бою. — Я скользнул взглядом по кобурам Дмитрия и Татьяны.

Оба спешно расстегнули кобуры и вытащили на свет ПМ-ы.

Я и не сомневался, что на вооружении у них стоят именно эти пистолеты.

— На техническую проверку давай. — Я протянул Дмитрию свою раскрытую ладонь, на которую очкарик положил Макаров.

Я повернул флажковый предохранитель, расположенный на левой стороне пистолета, разблокировав тем самым и затвор, и ударно-спусковой механизм. За этот «флажок», как его называют сталкеры, и люблю ПМ. Единственная причина, по которой я заменил Макаров итальянской «береттой», — частое заклинивание. Однажды из-за этого дефекта ПМ я чуть не лишился двух пальцев на руке.

Странное сочетание — АКСУ (он же АК, но с укороченным стволом, что делает его более мобильным и создаёт возможность скрытного ношения) и итальянский пистолет Beretta 92.

Но автомат Калашникова состоит на вооружении с сорок седьмого года двадцатого века и прошёл проверку как временем, так и разными погодными условиями. И, скажу вам: за шестьдесят с лишним лет не было ни одной жалобы относительно такого характера, как «забивание грязи внутрь автомата, что делало его до полной чистки негодным для стрельбы». Потому я выбрал надёжное основное оружие, которое с долей вероятности в девяносто пять процентов не подведёт меня в критической ситуации, если, конечно, автомат разбирать хотя бы раз в три-четыре дня и тщательно протирать все детали.

«Беретта» же обладает высокими служебно-эксплуатационными качествами и вмещает в себя до пятнадцати патронов, что на семь больше, чем ПМ.

Я передёрнул затвор димоновского пистолета. Не заедает. Прицелился в большой камень в трёх метрах от себя и выстрелил. Ударно-спусковой механизм тоже в норме. Вернул очкарику оружие.

— Погоди, а какой у тебя к нему боезапас?

Дмитрий молча вынул из рюкзака два снаряжённых магазина и показал мне.

— В защитный костюм переложи, чтобы ближе лежали, и ты мог быстро сменить обойму. Теперь ваш. — Я протянул свою ладонь Татьяне.

Девушка положила на неё ПМ, держа его за рукоять.

ТЬфу ты, ну не правильно так! Когда протягиваешь человеку пистолет, нужно держать его за ствол, но перед этим поставить на предохранитель, чтобы тот, кому даёшь оружие, случайно не выстрелил.

Я, с укором посмотрев на Таню, ухватил Макаров за рукоять.

Прежде чем девушка убрала руку, я заметил, что она у неё совершенно чистая и под ногтями нет грязи. Если бы она хотя бы болты брала, то руки у неё сейчас были чёрные.

Я так же разблокировал затвор и ударно-спусковой механизм, повернув флажковый предохранитель. Передёрнул затвор. Плохо! Слишком расхлябан. Прицелился в другой камень и выстрелил. Точнее, попытался. Когда я спустил курок, он остался в огневом положении, затем внутри пистолета что-то щёлкнуло, и раздался выстрел. Это не оружие, это говно! Им разве что слабоумным мародёрам в рулетку играть — если через пять секунд пистолет выстрелил, значит, проиграл!

Я поставил пистолет на предохранитель, чтобы не выстрелил, и стал подбрасывать на ладони, примериваясь, как бы его с пользой убить. Присмотрев метрах в десяти впереди аномалию, я по кружению над ней листвы определил, что это «трамплин». Размахнулся и кинул Макаров в аномалию.

Как только пистолет вошёл в аномальное поле «трамплина», тот поймал его, на секунду задержал в воздухе, накапливая энергию, а потом резко подбросил ПМ высоко в воздух, тем самым разрядившись. Через семь секунд оружие приземлилось на асфальт, разбившись вдребезги.

— Данная аномалия называется «трамплин», — прокомментировал я только что увиденное туристами. — Если не хотите разделить участь пистолета, смотрите под ноги. Замечу, что это далеко не самая опасная аномалия.

— А зачем вы пистолет уничтожили? Подумаешь, чуть-чуть заклинивает! — Димон пропустил мимо ушей мою заметку о «трамплине». — Мы за него...

— Есть такой анекдот: сидят в подвале три «долговца»; делать нечего, вот один и предложил в русскую рулетку сыграть. Первый «долговец» подносит к виску пистолет и нажимает на курок. Выстрел. Человек падает замертво. Второй проделывает ту же операцию. Так же падает мёртвым на землю. Третий поднёс к виску пистолет и выстрелил. Последняя мысль его была такая: «А разве пээмом в рулетку играют?..» Так вот, господа, только что на ваших глазах был уничтожен без преувеличения очень эксклюзивный пистолет Макарова. Им можно играть в рулетку. Правда, чуть-чуть с другими правилами.

После этого, как ни странно, гневные вопросы у моих клиентов отпали.

— А из чего же мне тогда стрелять? — робко спросила Татьяна.

— А вы, по-моему, и без оружия прекрасно обходились, — пошутил я, но, увидев в её глазах обиду, сказал: — Димон, отдай подруге пистолет.

— А как же я?.. — надулся очкарик.

— Я! Сказал! Отдай! — Это была тренировка стального тона, под воздействием которого у моего собеседника должны трястись поджилки и отпадать желание вступать в диспут.

Дмитрий сначала стоял без движения, открыв рот и удивлённо выпучив глаза. Затем икнул, медленно повернулся к Татьяне и протянул ей Макаров и два запасных магазина к нему.

Тем временем я достал из кобуры «беретту», из подсумка два магазина к «итальянцу», снаряжённых 9*19 мм патронами, и протянул всё это очкарику.

— Татьяна всё равно вряд ли стрелять будет ввиду своей меланхоличности, но на всякий случай пусть у неё будет оружие. А у «итальянца» ёмкость магазина больше, чем у ПМ. Я надеюсь, ты понял, что это моё? — строго сказал я Дмитрию. — Обращаться с пистолетом крайне аккуратно, затвор резко не дёргать! Быстро, но не резко! А то будет как с ПМ Тани. И

когда курок спускаешь, отпускай его сразу, как «беретта» выстрелит. Иначе ударно-спусковой механизм будет заедать. Как в пресловутом пистолете-прыгуне. Всё понятно?

— Д-да. — Дмитрий икнул.

Неужели это мой тон оказал на него такое влияние?..

— Значит так, стрелять только по моей команде! А то выкосите честных бродяг и меня потом на гнилом суку как последнюю падаль повесят. Но если уж явно видите, что перед вами мутант. Не знаю... по очертаниям фигуры человек, но прыгает на четвереньках или щупальца вместо нижней челюсти. И команды от меня нет — вдруг — забыл скомандовать или не увидел угрозы, что маловероятно, тогда стреляйте. Но на каждый шорох в кустах палить не смейте!

— Понятно, — в один голос сказали туристы. По их тону было заметно, что их не слишком устраивает полное подчинение мне — какому-то преступнику, но, по-видимому, желание вернуться домой живыми и здоровыми было сильнее гордыни.

— Да, и ещё... вы, — я показал правым указательным пальцем на Татьяну, а левым — на Дмитрия — и свёл пальцы вместе, — кто друг другу?

— А какая разница? — негодуя спросил Димон, поправляя на носу очки и хмурия лоб. — Личная жизнь каждого из нас не должна вас касаться! Точнее, она вас совершенно не касается! Вы — проводник и уже получили оплату за свою работу, кстати, ещё даже и не начатую! Так что будьте добры заниматься тем, чем вам положено!

— Закончил? — Я терпеливо выждал пламенную речь, направленную против всяческих действий, не входящих в мою компетенцию, которая, как кажется этим двух нахальным туристам, заключается в том, чтобы тупо и молча вести их к Периметру. — Работу я вообще-то давно начал. Иначе на кой ляд я вам растолковываю, как нужно обращаться с оружием и как идти?! Это одно из главных мероприятий, которое может помочь вам выжить! И вопрос этот очень важен! Если вы любовнички и у вас одна койка на двоих, то хочу сделать важное заявление: если кто-нибудь из вас влезет в неприятную ситуацию и его спасение — риск для других, то мы бросим несчастного. Нет, ну если, конечно, хотите, чтобы хоть один из вас дошёл до Периметра. В Зоне каждый сам за себя.

— Это что ещё за правила такие? — опять возмутился Дмитрий. — Я человек, а не сволочь!

— Это ты на словах такой, — уверил я самоуверенного очкарика. — Я так и не дождался ответа на свой вопрос относительно близости ваших отношений.

— Наши отношения чисто приятельские, — скрестив руки на груди — протест против меня, сказал Димон.

— Хорошо... — пробормотал я, пытаюсь вспомнить, что же я забыл рассказать туристам ещё из инструктажа по технике безопасности. — А, вспомнил: вы должны подчиняться абсолютно всем моим приказам, если хотите вернуться домой. В независимости от того, каким бы дурацким не казалось приказание. Даже если скомандую падать на землю, а я за время нашего для вас, так сказать, путешествия наверняка это сделаю, молча подчиняетесь. Если погибните — плакать не буду — вы мне уже заплатили.

— А зачем нам падать на землю? — тут же спросил Дмитрий.

Ну что за человек?! Вместо того чтобы просто сказать «хорошо, я понял», он начинает выпендриваться. Раз проводник сказал — значит, так надо!

Татьяна, словно прочитав мои мысли, пихнула локтём в бок очкарика и сквозь зубы процедила:

— Чего ты хорохоришься как баба?! Раз сказал опытный в этом деле человек, что надо так, значит, на то есть причины!

— Да я... вдруг он... — пробормотал Дмитрий, потирая бок.

— Если ты этой фразой пытался сказать «да я проверял, вдруг он нас запугивает или хочет ещё денег», то смею тебя огорчить: у меня есть темы для размышления поважнее, чем придумывать изощрённый план по выкачиванию с вас денег. Кстати, если они у вас ещё остались в большом количестве, то вы свиньи. В общем, инструктаж по технике безопасности «Как прожить в Зоне хотя бы дольше суток» закончен! Извините, к сожалению, расписаться негде. А надо бы, чтобы вы всё беспрекословно исполняли. Не смею больше загружать вас, уважаемый турист-экстремал Дмитрий, как вам кажется, ненужной информацией. От степени усвоения которой всего-навсего зависит ваша драгоценная жизнь. Коротко повторяю: оружие всегда держать готовым к неожиданному бою и во всём слушаться ведущего, то есть меня. Строимся так: я, естественно, первый, Татьяна, как самое слабое звено нашего отряда... — я украдкой глянул на Дмитрия, — я надеюсь, идёт за мной. А Димон идёт замыкающим и это значит, что он часто оглядывается назад и следит, чтобы никто не подкрался к нам сзади. Если он, конечно, не хочет, чтобы ему башку откусили. Вопросы есть? — спросил я как в армии и как в армии, не дожидаясь ответа, заключил: — Вопросов нет! Вперёд за мной шагом марш!

Мои ведомые не стали больше противиться, а молча последовали за мной. Я лишь слышал, как от негодования обиженно сопит Дмитрий. Ну что ещё ему надо? Я веду его к Периметру, оружие дал! Может, надо было его понести?..

Совсем скоро мы оказались у туннеля, представляющего собой проход под мостом и именуемого сталкерами «Лабиринтом Смерти» — второе слово именно с большой буквы, потому что в туннеле погибло очень много людей. Он — это постоянное пристанище для разного рода аномалий: там есть и «жарки», и «трамплины», и «карусели». И даже аномалии-гибриды. Последнее — это когда две аномалии расположены слишком близко друг к другу, вследствие чего они как бы скрещиваются. Пожалуй, этот туннель — самое опасное место на нашем маршруте. По крайней мере, мне хотелось надеяться, что он таковым является. Так как я не представляю, как через него вести двух туристов. Один из них, причём, очень вредный и самоуверенный. А самоуверенность в Зоне никого до добра не доводила — такие люди думают, что они всегда правы и ошибиться — для них это непозволительная роскошь. Скорее даже не роскошь, а позор. Если, к примеру, кажется самоуверенному новичку, что на пути у него нет аномалии, хоть и детектор показывает обратное, он всё равно пойдёт на аномалию. Именно самоуверенному новичку, потому что до гордого звания «сталкер» людям с таким плохим качеством и ошибочным мнением «я всегда прав» дожить не удаётся.

Я не уверен в том, что если скажу Дмитрию «иди строго за мной», он из упрямства не сделает наоборот.

Так вот под этим злосчастным туннелем гибридов, как показывал детектор, было три штуки. Но, к счастью, туннель в длину был всего метров десять, что заметно облегчало задачу: пройти через него, не потеряв ни одного человека. Но это всё же не делало её лёгкой. Наверное, вы спросите, а почему бы не подняться по склонам на мост и не пройти по краю дороги, тем самым не рискуя, идя прямо через «Лабиринт Смерти». А дело в том, что эти земляные склоны размокли от постоянных дождей, и представляют собой сплошное грязное месиво. Поэтому дорога вперёд только одна.

Я развернулся к ведомым, размышляя, как бы им вкратце объяснить дальнейший план пути.

Татьяна стояла, держа перед собой обеими руками пистолет, и смотрела на меня в ожидании дальнейших приказаний. Она точно дойдёт живой до Периметра. Не самоуверенная и может подчиниться, если того требуют обстоятельства.

Дмитрий же наоборот стоял, опустив руку с пистолетом вниз и с ухмылкой посматривая на меня.

Вот обязательно найдётся в отряде хотя бы одна гнида, которая будет портить всем настроение и препираться. Закон подлости!

— Значит так, уважаемые, впереди — туннель, который сплошь забит аномалиями. Там, кстати, есть и «трамплины», — я хитро глянул на туристов, вспоминая недавний случай с уничтожением пистолета. — Чтобы выйти живыми по ту сторону — вам необходимо идти точь-в-точь по моим следам. Следите, куда я ставлю ноги, и наступайте туда же. Для наглядности можете посмотреть сюда и заодно убедиться в том, что я не вру, — я поднёс каждому к лицу детектор аномалий, на котором круглыми зелёными овалами было обозначено тринадцать аномалий. Может, их и больше, даже армейский детектор — последняя разработка иногда ошибается. Чего уж говорить про самодельные детекторы?..

Недоверие на лице Димона, когда он посмотрел на экран детектора, сменилось удивлением.

— Э-э... Это всё аномалии? — Очкарик указал пальцем на экран ПДА.

— К сожалению, да. И их, скорее всего, ещё больше.

— А там? — турист показал на склоны по сторонам от нас.

— Они покатые, глина там размокшая, и выше чем на тридцать сантиметров по ним ты не вскарабкаешься.

Дмитрий нервно сглотнул, закусил нижнюю губу и посмотрел в тёмный зев туннеля, озаряемый иногда срабатывающими на залетавший в них мусор «жарками».

— Ну что, убедились, что здесь, мягко скажем, не парк отдыха имени Кирова? А теперь идите за мной. Как я сказал — след в след! — Я достал из кармана бронежилета один болт, в левую руку взял детектор и двинулся вперёд.

Сложность состояла в том, что если случайно активировать болтом хотя бы одну аномалию, кроме «жарки» — уж не знаю почему, но она не включает рядом находящиеся аномалии, то пойдёт цепная реакция и нас одновременно и зажарит, и скрутит, и подтолкнёт. Здесь под туннелем воздух везде дрожит, рябит, закручивается, лежит много костей, так что выделить из всего этого кавардака отдельную аномалию — будет очень сложно. Придётся полагаться только на детектор и своё сталкерское чутьё. Оно, кстати, нередко мне помогало в подобных случаях. Я и через этот туннель ходил, да, только за полгода, что я в Зоне, всего два раза — первый с учителем, второй с месяц назад один. Даже и не помню, как прошёл, единственное помню, как потом обливался и когда к ученым пришёл, пришлось сушить одежду и снимать маленькое помещение на два часа — разнервничался, и нужно было срочно поспать, чтобы восстановить нервы и идти назад. Но шёл я тогда через Милитари, оно же Армейские склады. И сейчас бы с этими двумя можно было так же пойти, но на таком длинном пути поджидает гораздо больше опасностей, чем под этим «Лабиринтом Смерти».

Я обошёл первую бетонную колонну, служащую одной из опор для поддержания потолка туннеля. Посмотрел на детектор. Запомнив расположение аномалий на его экране, глянул вперёд. Так, вот передо мной воздух аж плавится, дышать трудно и лицо обжигает. «Жарка»! А вот справа в метре от неё вроде ничего не вижу, и детектор не показывает в том месте опасности. А слева от «жарки» «трамплин» маленький притаился. Это если верить детектору, а сам я ни черта в том месте не вижу, точнее этот «трамплин» не виден из-за того, что на метр вокруг «жарки» весь воздух дрожит, и пространство словно размыто.

Других путей нет, пойду направо!

Не переходя на другую полосу дороги, обошёл справа «жарку», проклиная её на всех языках, которые хорошо знал или более-менее хорошо знал — русский, английский, немецкий и немного французский. Лингвист, блин! Это меня родители отдали в первый класс в языковую школу, где я проучился до девятого и перешёл в другую. Помню, как путал из языков некоторые слова и фразы. Кстати, меня Лингвистом и называли бы, если бы я кому-нибудь рассказал об этом. Но с наставником мы говорили только о Зоне. Как сказал Шерлок Холмс, «мне нужна только та информация, которая помогает мне работать, а остальная — излишняя». Или это как-то по-другому звучало, но общий смысл такой.

Обойдя «жарку», я встал в замешательстве, не зная, что мне делать, потому что детектор сообщал, что передо мной всё пространство так и пестрит аномалиями, а самому разобраться что-то в таком было сложно. «Спасибо» «жарке», псевдопёс её укуси, сука такая, так левое

плечо обжигает. Гнида! Узнал бы я, кто Зону создал, пошёл бы и взорвал к чёртовой матери! И без разницы мне — люди это или инопланетяне её создали. Двадцать килограмм пластида в тротиловом эквиваленте никому на пользу явно не пойдут. Если это стопроцентный вариант, себя бы взорвал вместе с чёртовыми создателями Зоны! Зато она бы наверняка исчезла и многие бы мне спасибо сказали. Эх, злится муха на арбуз, что не лезет в брюхо! На кого я твякаю...

Сзади Димон издал какой-то непонятный звук. Наполовину похоже на смешок, и наполовину на хрюканье.

Я повернулся к нему и недовольно спросил:

— Что такое?

Он поднял с землю взгляд на меня, затем посмотрел назад и вскрикнул:

— Снорки!..

Я велел ведомому присесть, чтобы я смог увидеть снорков, если они вообще есть — вдруг он издевается.

К огромному моему огорчению, турист был прав: из-за поворота с Янтаря выскочили два снорка. Они сели на дороге и завертели головами, прикрытыми от чьего-либо взора рваными советскими противогазами. Помню, видел фотографию, сделанную, по-моему, в детском саду в Припяти лет через десять-пятнадцать после аварии восемьдесят шестого. Так вот там были сотни, если не тысячи таких противогазов. У меня много раз возникало чувство, что все снорки выходцы из тех мест и противогазы, что на них сейчас болтаются, как раз из того детсада.

Снорки особенно в такое время — это очень и очень плохо! Для нас, разумеется. Хотя и им от этого плюсов нет. Если хотя бы один мутант попадёт хоть в одну аномалию (здесь аномалий пруд пруди, а снорк здоровый и если уж влетит, то сразу в три), то начнётся цепная реакция и нас здорово приготовит — сначала на куски разорвёт, а потом пожарит. Тьфу, о чём я!.. Так, они нас не видят, а если повезёт, увидят уже тогда, когда мы пройдем весь туннель. Ага! И ещё тысячу баксов на дорогу положат и отвалят! Вот с той же долей вероятности вариант с баксами мог осуществиться, как если бы мутанты нас не заметили. По-любому, как ни крути, надо идти вперед!

Я снова глянул на экран детектора. О, слева есть совсем маленький, меньше метра, проход между «каруселью» и «воронкой». Эти аномалии, кстати, чаще всего и скрещиваются, потому что обладают похожими свойствами. Только бы они не схлопнулись как раз в тот момент, когда мы будем мимо них идти. Как мне казалось, в пространстве между «каруселью» и «воронкой» воздух и правда меньше рябит, чем вокруг. Всё равно ничего не теряю — кинул болт в «коридор», как ещё называют проход между двумя аномалиями.

Болт свободно пролетел в возможный «коридор» и упал на землю. Есть!

Я медленно двинулся к узкому проходу.

Теперь мне обжигало спину. Хорошо, бронежилет спасает, а то давно бы уже всё плечо сгорело....

Как отошёл от «жарки», дышать стало легче — конечно, воздух ведь она сжигает не хуже печки. Даже лучше, потому что температура в ней за тысячу градусов по Цельсию.

Проход между «каруселью» и «воронкой» был шириной всего сантиметров девяносто. Да, плоховато. Надо ещё учесть, что к каждой аномалии ближе, чем на двадцать сантиметров подходить нельзя — затянуть может.

Я скинул рюкзак, прицепил ПДА к запястью, в одну руку взял автомат, а в другую рюкзак, опустил руки вдоль туловища и влоборота стал протискиваться в проход.

Когда я прошёл примерно половину длины «коридора», стал ощущать напряжение воздуха, буквально чувствовал, что обе аномалии на взводе и приблизился я к одной хотя бы на три-пять сантиметров, она неизбежно сработает, затем вторая, а потом пойдёт цепная реакция. Были инциденты, когда вот так вот один человек из-за своей неосторожности губил весь отряд. Но мне почему-то помирать не хотелось, да и ведомых гробить ни к чему.

Я ощущал напряжение, то, что связывало эти две аномалии, словно невидимые энергетические нити проходили через моё тело насквозь... Ощущение присутствия в организме чего-то инородного, незнакомого и враждебного...

— Кекль!!! — завизжала Татьяна. — Их ещё больше! Они сю...

Тьфу, дура! Я от страха чуть в аномалию не зашёл! Я был весь сосредоточен и сконцентрирован на том, чтобы пройти по «коридору», абстрагировался от внешнего мира, чтобы он мне не мешал. И тут на тебе! Это всё равно, что человек уже засыпает, а к нему подойти и заорать под ухом. Да при том некоторые аномалии срабатывают на громкие звуки...

— Закрой рот! — шёпотом перебил я её. — Никогда не орите в Зоне! — Каюсь, забыл предупредить, но всего не упомнишь, тем более в Зоне, чтобы выжить частенько приходится подстраиваться под обстоятельства и действовать нестандартно. Единственные три правила, которые никогда нельзя и не придётся нарушать — держать порядок строя в отряде, слушаться более опытного товарища и всегда держать оружие готовым к бою. — Что случилось-то?

— Мутанты бегут... скачут сюда, — ответил за девушку Дмитрий. — Их уже трое... четверо... пятеро... Они постоянно выскакивают из-за поворота.

Я слышал только его первую фразу, но и этого было достаточно, чтобы понять, что мы в полной жопе. Мозг начал лихорадочно искать пути выхода из сложившейся западни. И когда я вышел из «коридора», даже не успел порадоваться успешному проходу через него — нужно скорее выбираться отсюда, иначе снарки за нами бросятся и в аномалии запрыгнут, сами угробятся и нас заодно... Снарки, в отличие от слепышей или кабанов, не ощущают на своём пути аномалии. Может, и ощущают, но не понимают, что это. Подстрелить мутантов тоже не получится — попробуй попади со ста метров из «калаша» по хаотично движущейся мишени да при этом не разбуди пару десятков аномалий вокруг себя. Есть только один путь и шанс на спасение — двигаться вперёд!

Я глянул на экран детектора. На нём обозначались две аномалии: «электра» — слева от меня и «зыбь» — справа. Между ними был проход — по ширине около полутора метров и примерно так же по длине. По сравнению с предыдущим «коридором», этот — просто палуба океанского лайнера. Образно, конечно.

Я двинулся в проход, так же опустив руки, сжимающие оружие и рюкзак. Но вспомнил про своих ведомых. Оглянулся. В проход между «каруселью» и «воронкой» втискивалась Татьяна, держа в руках пистолет и рюкзак.

Молодец! Догадалась снять!

А вот Дмитрий топтался за девушкой и не спешил снимать свой пижонский рюкзачок. Неужто собрался пройти по «коридору», не снимая его? Рюкзаки (лучше даже называть их вещмешками) сталкеров состоят из грубой и крепкой ткани и затягиваются вверху резинкой. А потому в вещмешки можно насовать много полезных вещей, у них нет границ. А вот за

Периметром девяносто пять процентов рюкзаков имеют каркас — поролон — и на эту основу производители натягивают ткань. Потому хоть ничего в такие рюкзаки не клади, хоть кучу всего, они будут иметь примерно одинаковые размеры.

В общем, если Димон собрался с таким «одноформенным» рюкзаком идти через «коридор», то он либо дурак, либо и слыхом не слыхивал, что аномалии могут сделать с жертвой... Хотя я ж ему вроде показал на примере пистолета.

— Чемодан свой сними, дурьё! — сквозь зубы процедил я ему. — Видели, куда я наступаю?! Идите так же. — Это уже обоим да при том медленно, но верно продвигаясь по сравнительно широкому «коридору».

Осторожно выйдя из прохода, я посмотрел на экран детектора. Руки дрожали от мысли, что сейчас я могу погибнуть, показания было трудно разглядеть.

Как показывал ПДА, передо мной была очень большая по диаметру «воронка». Но, посмотрев вперёд, я не увидел ничего, никаких нарушений циркуляции воздуха, которые, если бы на том месте существовала аномалия, обязательно бы были. А вот это уже глюк детектора. Странно... Обычно он наоборот не показывает то, что на самом деле есть.

Наконец я явственно различил утробное рычание снарков, от которого у меня по коже пробежали мурашки, и прошмыгнула мысль: «А ведь мы только чуть больше половины туннеля прошли...»

Очень сложно контролировать себя и сохранять хладнокровное спокойствие, когда подсознание орёт на всех известных тебе языках: «Чего стоишь, чёрт побери?! Беги, беги!!!» Ага, инстинкт самосохранения! Только невдомёк тебе, что и побежать, и стоять на месте — оба варианта проигрышные. Есть всего единственный способ выжить — медленно, но верно прокладывая путь с помощью детектора, чутья и зрения.

Я, веря не детектору, а собственным ощущениям и, самое главное, глазам, двинулся вперёд, через несуществующую «воронку».

— Кекль, давайте быстрее! — заторопил меня Дмитрий, в голосе которого слышались истерические нотки. — Они уже близко.

— Не ссы, студент, прорвёмся, — рассеянно пробормотал я, смотря на экран детектора и сверяясь с его показаниями. — Меня, кстати, здесь пока одна штука.

Как показывал ПДА, передо мной был «коридор» шириной два метра, тянущийся вплоть до самого выхода из «Лабиринта Смерти», а вот у выхода, полностью перегораживая его нам, в линейку вширь туннеля выстроились самые разнообразные аномалии. Прохода через них не намечалось.

Сам я, как и детектор, тоже не замечал впереди каких-либо преград вплоть до выхода. И не только не замечал, но и не ощущал — со временем у сталкера вырабатывается внутренний детектор аномалий. Когда такой человек-детектор подходит к аномалии, он начинает испытывать странные ощущения. У всех они разные, кого-то передёргивает, у кого-то учащается сердцебиение, я даже слышал, что у кого-то начинается эрекция. Мда... Но у меня при приближении к аномалии начинает чуть-чуть гудеть в висках.

Странно, что аномалии так расположены... Насколько я помню, когда я шёл здесь в последний раз, да и в позапрошлый тоже, туннель был весь усеян ими и между ними были только пресловутые короткие «коридорчики» — максимум метра два в длину, а здесь все четыре, если не пять. И уж тем более не было таких «аномальных линеек».

Я осторожно метнул болт вперёд. Он, прыгая по неровной, местами разбитой, асфальтированной дороге, остановился в трёх метрах от выхода, к счастью, не активировав

ни одну аномалию. Потому что там их и не было. Я не стал думать, как мы будем потом выбираться из туннеля — проблемы нужно решать по мере их поступления. А спешно потрусил к выходу из «Лабиринта Смерти» по длинному «коридору».

Остановился в трёх метрах от спасительной земли, свободной от скопления аномалий. Казалось, один прыжок — и ты вне опасности, снова перехитрил смерть и можешь идти в бар праздновать очередной день рождения. Но нет — ты ещё на территории старухи в чёрном одеянии, которая сообщая с Зоной уготовила тебе новое испытание — бесконечную полосу аномалий, тянущуюся вширь всего туннеля. На первый взгляд, это испытание непреодолимое и тебе его не осилить, но нужно всего лишь абстрагироваться от окружающего мира и сконцентрироваться на поиске выхода из положения. И тогда, если есть хотя бы пятнадцать секунд, он обязательно найдётся. Я его нашёл. Выход был рискованным, но других путей выйти из «Лабиринта Смерти» я не видел. Выход — маленький «трамплин», приютившийся у левой стены туннеля. Как многим известно, такого рода аномалии срабатывают как батуты. Беспрепятственно прыгнуть мешал бетонный потолок, полностью закрывающий «трамплин» и небольшое пространство за ним. Но у «трамплина» есть один секрет — пойманных жертв он выстреливает вверх не совсем вертикально, а с небольшим отклонением вперёд. Именно это его свойство и могло стать для нас выходом из трудного положения.

Сложнее всего это объяснить ведомым. Которые топтались за мной и что-то учащённо бормотали.

— Так, уважаемые, — спешно затараторил я. — То, что я сейчас сделаю, это не бред сумасшедшего. Выживете, если так же... — Я разглядел на той стороне туннеля snorkов, боком вперёд подсакивающих к противоположному выходу из «Лабиринта Смерти». До ближайших аномалий им оставалось преодолеть всего несколько метров. Времени на объяснения больше не оставалось, нужно было действовать! Я предупреждал туристов, что они должны меня слушаться, а если не вняли — я не собираюсь из-за этого помирать. Ну, погнались! Тут либо пан, либо пропал!

Я подбежал к «трамплину» и без разбега прыгнул, выставив руки вперёд и стараясь перелететь как можно большее расстояние, вдруг аномалия швырнёт меня не из центра, а боком да ещё напрямиком из «Лабиринта Смерти».

Но этого не случилось — хоть я и улетел дальше центра «трамплина», он меня всё равно перенёс именно туда. Пока аномалия накапливала энергию для разрядки — секунда полторы — и выброса моего несчастного тела вверх, я закрыл голову руками, чтобы не шандалахнуть ею о бетонный потолок.

Я очень плохо представлял себе, что произошло дальше, потому что мир перевернулся, я резко подлетел, почувствовав боль в районе стоп и жуткую ломоту в висках. Потом меня, видимо, закрутило в воздухе, и первое, что я ясно увидел после прыжка в «трамплин», — серый асфальт, с которым через секунду встретилось моё лицо. И встретилось весьма крепко! Как минимум до крови из носа и разбитых губ.

Через неопределённое время я более-менее оклемался, утёр ребром ладони кровь с лица и сел на задницу, борясь с тошнотой. Вдруг я увидел что-то очень большое, летящее на меня. Приглядевшись, я по красному рюкзаку и тонким рукам узнал в этом «чём-то очень большом» Татьяну. Я едва успел выставить вперёд руки, когда девушка свалилась на меня сверху. Последним своим движением я снизил скорость полёта Татьяны и, как следствие, моё многострадальное тело приняло на себя гораздо меньший удар, чем это было бы, не

выставь я в последний момент руки. Окончательно приземлилась Таня, оперевшись в мою грудь руками. И опять спасибо бронезилету!

Так мы и лежали не в силах пошевелиться, пока не раздался громкий хлопок — видимо, Дмитрий в «трамплин» прыгнул и тот на него разрядился.

Я спихнул с себя девушку и сам откатился в сторону, чтобы ещё очкарику собой падение не смягчать — не баба, пусть сам о себе заботится. С громкими криками и матами Димон приземлился аккуратно в то место, где буквально двумя секундами ранее лежали мы с Татьяной.

И вот именно в тот момент, когда турист коснулся руками земли, началось самое страшное — на другом конце туннеля снарки предсказуемо запрыгнули в первые аномалии, тем самым активировав их... Началась цепная реакция... Я даже приподнялся на локте, чтобы посмотреть на это зрелище. Подобного мне никогда не доводилось ни видеть, ни слышать — неровным прыгающим светом туннель озаряли высокие столбы пламени от «жарок»; с громopodobным грохотом, от которого закладывало уши, разряжались «электры»; закручивая воздух в причудливые спирали, схлопывались «воронки» и «карусели».

Меня аж передёрнуло от той мысли, что сейчас в этом аду могли находиться мы...

Когда волна цепной реакции докатилась до выхода из «Лабиринта Смерти», где в шеренгу выстроились аномалии, окружающее пространство потрясли оглушительные хлопки «воронок», «трамплина», гудение «жарок»; всё это прозвучало практически синхронно, слившись в один оглушительный раскат грома.

Затем всё стихло. Пространство вокруг нас окутала ватная тишина, напоминавшая мне затишье перед... Вот дерьмо! Сколько раз я ни зарекался не каркать, а всё равно всякие подлые мысли так и лезут в голову. У Зоны очень чёрное чувство юмора — только ты подумал о том, что тебе в данной ситуации меньше всего хочется встретить на своём пути, — эта пакость уже здесь! Со стороны бывшего места дислокации наёмников на Диких Территориях раздалось многоголосые завывания псевдособак, которые с каждой секундой становились всё громче.

— Оружие к бою! — рявкнул я туристам, подбирая с земли АКСУ, упирая его металлический приклад в плечо и направляя ствол в сторону, откуда доносился вой мутантов.

Всё так же продолжая держать поворот дороги и обширный куст на её краю на прицеле, откуда должны были выскочить волки, я поставил левую ногу на землю, согнув её в колене, а левой оперся коленом о землю, вытянув ногу назад и оперевшись носком ботинка в асфальт. Эта поза хороша тем, что стрелка, находящегося в ней, не отбрасывает отдачей оружия назад, и он в принципе держится устойчиво.

Палец на спусковом крючке подрагивал, по лбу градом катился пот — сколько бы раз ты ни встречался лицом к лицу (в данной ситуации лучше сказать лицом к морде), со смертельной опасностью, а всё равно каждый раз волнуешься как студент-первокурсник перед первым экзаменом.

Наконец из-за поворота выскочил первый мутант — судя по габаритам, вожак стаи. В холке зверь достигал мне примерно до бедра, имел длинные передние лапы (задние я физически не мог увидеть, но они, наверное, были не короче), которые он выбрасывал далеко вперёд, за счёт чего совершал огромные прыжки.

Тело сработало на автомате — палец утопил спусковой крючок, а затем отпустил. Короткоствольный автомат выплюнул порцию свинца, которая устремилась к вожаку. Но

тот каким-то невероятным образом увернулся от пули; они устремились к стае. Первая перебила бегущему за вожакom волку переднюю лапу, и он повалился на землю. Вторая пуля вошла ещё одному мутанту в шею, сократив тем самым численность стаи на одну особь. Остальные маленькие продолговатые куски свинца ушли в «молоко».

Расстояние между нашим отрядом и стаей псевдособак, благодаря последним неумолимо сокращалось, а мутантов из-за поворота всё прибывало. Слева от меня раздавались хлопки pistolетных выстрелов вкупе с дикими криками девушки, но туристы чаще мазали, чем попадали.

Когда очередная порция свинца из моего автомата, предназначавшаяся вожаку, но благодаря стараниям последнего снова миновала его и устремилась к стае, три пули попали в трёх мутантов и двое из них внезапно... исчезли! Фантомы! Как же я сразу не догадался — такой огромной стаи просто не может быть! Значит, где-то неподалёку сидит чернoбыльский пёс-телепат, какает нам троим на мозги, показывая несуществующих существ. На испуг, значит, взять хочет, гнида! Нет, не удастся! Осознание того, что наши дела не так уж и плохи, как показалось вначале, придало мне боевого настроения.

Когда я вжал спуск, беспорядочно поливая вожака свинцом, большинство мутантов, включая огромного зверюгу, исчезли. Оставшиеся же остановились и закрутились вокруг своей оси. Но тут же упали на асфальт, сражённые очередями из моего АКСУ. Туристы доби́ли оставшихся псевдособак, поведение которых было более чем странным.

— Эт-то ч-что? — заикаясь от испуга, спросил Дмитрий.

— Это, Димон, мутанты, — ответил я, защёлкнув в автомат новый магазин. — Добро пожаловать в настоящую Зону!

Неподалёку от куста, растущего на повороте дороги, мы обнаружили мёртвых кровососа и огромного чернoбыльского пса, сцепившихся в последней, смертельной для обоих схватке. У кровопийцы была наполовину отгрызена голова, а у чернoбыльца вспорот живот. Даже прекрасно осознавая, что у обоих равные шансы на победу, никто из мутантов не пожелал уйти с поля боя побеждённым...

До «100 рентген» наш отряд неспешным шагом добрёл за два с половиной часа. Особых проблем с представителями фауны Зоны не возникло, но пару раз пришлось стрельнуть по слепым псам, так и норовящим зайти за спину и напасть сзади.

Я вообще не хотел бы заходить в бар, но нужно всё объяснить Киру и для пущей убедительности предоставить живые доказательства того, что я не струсил идти с ним за «душой», — показать двух туристов. Иначе сталкер обидится и больше никогда не предложит мне работать в паре; два раза за четыре месяца мы с ним уже ходили в подобные рейды за артефактами, которые принесли немалую прибыль.

Но больше всего я боялся, что если в «100 рентген» будет много народу, то липовая весть о том, что я начал водить туристов-экстремалов за деньги на «сафари», разлетится вскоре по всей Зоне, и потом только успевай объяснять, что я этим не занимаюсь, когда мне будут поступать подобного рода предложения...

«Долговцы» пропустили нас на территорию Бара, содрав с каждого человека по пятьсот — итого полторы. Не люблю «Долг» ещё за то, что если у тебя нет дел к руководству группировки или к бармену, — проход платный. Это правило было введено недавно и сколько не бились сталкеры узнать у «долговцев», зачем это надо, те только огрызались в ответ и посылали в дальние эротические путешествия или бормотали всякую несусветную чушь типа «у группировки денег мало осталось, на вооружение не хватает, а кто вас защитит, если не мы?». Чушь, потому что каждый квад «Долга» приносит с очередной ходки столько артефактов, сколько одинокий бродяга вроде меня, и за две недели не соберёт.

— Проходи, не задерживайся, — проворчал охранник «100 рентген», даже не отвлекаясь от чтения журнала «Вокруг Света», когда мы спускались по лестнице в подвал, где располагался непосредственно бар.

В «100 рентген», к счастью, народу было немного, что неудивительно — день всё-таки, все в Зоне. Кир стоял за столиком у дальней стены, вперившись глазами в экран своего ПДА. Да, увидеть его в баре или на привале за другим занятием — большая редкость. Он у нас вроде программиста, всё время сидит в Сети, узнаёт последние новости, общается...

Рядом со входом у столика стояли два незнакомых мне сталкера; один облачён в довольно хороший защитный комбинезон «Берилл», а второй в обычную «Зарю» с заплатками на правом плече и спине. Видимо, наставник со своим учеником. Я сам четыре месяца назад был учеником Миротворца. Он, кстати, уважаемый в сталкерской среде за свою честность вольный ходок с большим стажем. Последний раз я его видел около месяца назад, когда мы случайно встретились на Свалке. С тех пор не видел его и ничего о нём не слышал, но и некролога о его смерти в сталкерской сети не было. Что меня очень радует.

Бармен сидел за стойкой и читал какую-то книгу. Вот и всё, больше никого нет. Зато по вечерам здесь и болту упасть негде.

Я велел ведомым ждать меня у столика, а сам пошёл к Бармену — делать заказ.

— О, Кекль, а ты чего здесь? — удивился Бармен, увидев меня возле стойки. — Ты же здесь совсем недавно был — дня три назад.

— Да так, — уклончиво ответил я, кивая на туристов, — потом как-нибудь расскажу, когда время будет. Им бы, — я снова кивнул на своих ведомых, — сейчас поесть быстренько, да мы пойдём — время!

— А, ну хорошо. Говори, что нужно. Сегодня, кстати, у нас в меню томатный суп, — подсказал мне с выбором основного блюда хозяин заведения.

— Во, две порции супа этого твоего, хлеба, огурчиков солёных и две стопки. А мой спецзаказ принеси в последнюю очередь, чтоб не остыло.

— Ладно, жди. — Бармен положил в книгу закладку и пошёл в подсобное помещение бара.

На обложке книги я прочёл: «Мечта на поражение». Я тоже недавно читал. В принципе, неплохо. Это книга из серии, посвящённой Зоне. Не знаю, кто в основном пишет в серию — то ли те, кто сюда съездил для вдохновения и прочувствовал на собственной шкуре всё коварство Зоны, то ли обычные «бульварные» авторы — нарыли в Интернете информацию, сюжет придумали и сидят, по клавишам долбят, даже примерно не представляя, о чём пишут. Но автор этой книги, конечно, передал атмосферу мира сталкеров на высоте, и явно бывал здесь, а то и жил некоторое время.

Вот уж не думал, что Бармен читает эту серию — мне казалось, относительно неё он скажет что-то вроде «да мне этой грёбаной Зоны и в реале хватает, буду я про неё ещё читать...»

Кир, увидев меня, помахал мне рукой — мол, здорово, подходи! Я в ответ сделал ему знак — «сейчас, только дождусь заказа». Сталкер понимающе кивнул и снова уставился на экран портативного карманного компьютера.

Вскоре Бармен принёс две чашки, наполненные густым томатным супом-пюре, и поставил их на стойку передо мной, затем снова ушёл в подсобку. Я, пока хозяин заведения искал оставшуюся часть заказа, отнёс туристам суп и подставил перед каждым по чашке.

— Сейчас ещё донесу, — пояснил я ведомым и вернулся к стойке.

Бармен вернулся со второго захода и поставил передо мной на стойку тарелку с солёными огурцами, блюдце с хлебом. Затем нагнулся, взял с нижней полки бутылку водки, с края стойки две рюмки, наполнил их прозрачной жидкостью и пододвинул ко мне.

— Всё?

— Пока всё. Слушай, а где Горюн? Он же за официанта здесь всегда был. Чего ты-то бегаешь?

Горюн был когда-то самым обычным сталкером-новичком, «отмычкой», проще говоря. Всех новичков в Зоне называют «отмычками», даже если они таковыми не являются. Есть сталкеры, которые берут к себе якобы в ученики новичка, только что пришедшего из-за Периметра, а на самом же деле ничему они их не учат, а тупо пускают впереди себя, используя как болт. Вот такого новичка и называют «отмычкой». Но так делают далеко не все опытные бродяги — многие вольные сталкеры — люди порядочные — и когда берут новичка в ученики, то действительно учат «зелёных» выживанию в Зоне. Горюну не повезло — его взял «на воспитание» сталкер из первой категории. Конечно, Горюн попал в аномалию — «отмычка» всегда попадает в аномалию (никто же его не учит их определять) — это всего лишь вопрос времени — и «наставник» бросил его помирать. Сталкеру-новичку повезло — аномалия выключилась раньше, чем разорвала будущего официанта на части. Полумёртвого Горюна подобрал квад «Долга»; «долговцы» принесли его Бармену и попросили выходить. С тех пор бывший сталкер-новичок и работает официантом в «100 рентген» — боится, что очередной «учитель» окажется подлым типом, считающий людей расходным материалом. А прозвище бывший «отмычка» получил за то, что постоянно грустил и расстраивался по поводу честности людей.

— Так домой уехал, — усмехнулся Бармен. — Типа в отпуск.

— А-а-а! Дай ещё две ложки, — попросил я и, получив два столовых прибора, сказал, ставя на блюде с хлебом тарелку с солёными огурцами и беря всё это в правую руку, а две рюмки и ложки — в левую: — Нам бы ещё оружие надо купить. Обрез, например, ну чего-нибудь из дешёвенького и простенького.

— Как жрать закончишь — подходи. — Хозяин заведения пожал плечами. — Хотя можешь и сейчас купить, мне до феньки.

— Не, я-то недавно уже жрал. Кстати, принеси мне какао.

— Тьфу, забыл совсем. — Бармен ругнулся. — Горюн, кидалово, теперь носи я заказы как самый молодой, это в мои-то годы... — по-стариковски пожаловался на свою нелёгкую долю хозяин бара, но затем вспомнил о моём присутствии, смущённо хмыкнул — не мужское это качество — на жизнь жаловаться — и сказал: — Ладно, жди, сейчас принесу.

Я под проницательным взглядом Кира отнёс хлеб, солёные огурцы, и две стопки к столику ведомых, заставил выпить по стопке для вывода из организма собранных радионуклидов, пожелал им приятного аппетита и в третий раз за сегодняшний день подошёл к стойке в ожидании Бармена с особым заказом — кружкой только что сваренного какао.

Какао — это, пожалуй, одно из немногих для меня удовольствий в Зоне. Привычка пить его каждый день у меня выработалась ещё в детстве, когда по утрам мне его варила мама. Не считаю это зависимостью, как, например, от кофе. Но кофе вот как раз можно сварить в условиях Зоны где-нибудь на привале — там много премудростей не надо, а вот для того, чтобы получить хорошее какао, нужно молоко. Можно, конечно, использовать воду или растворимое молоко в виде порошка, но это уже будут помои, пойло для плотей. А где здесь взять настоящее молоко? Коров и коз в Зоне нет, по крайней мере, нормальных, да и мычащих мутантов ни разу не видели. А если и достанешь его — без холодильника пропадёт. Так что насладиться чудесным вкусом горячего шоколада можно только в «100 рентген». Бармен регулярно — примерно раз в три-четыре дня — заказывает за Периметром вместе со всеми другими продуктами — овощами, мясом ещё и молоко. А мясо с овощами затем, что хотя бы этот томатный суп надо из чего-то варить; уж кто варит — не ясно, но прибыль от этого повар имеет большую — иной раз всё отдашь, чтобы отведать чего-нибудь, хоть отдалённо напоминающее домашнюю кухню.

А заказывать молоко Бармен стал именно благодаря мне: когда я первый раз зашёл в «100 рентген», то первым делом попросил у Бармена какао. До сих пор помню, как по залу прокатилась волна хохота, и хозяин заведения со слезами на глазах от натужного смеха сказал мне: «Парень, у нас здесь бар для сталкеров, а не детское кафе». Но чуть позже я подошёл к нему, сунул в руки две тысячи и попросил заказать пару пакетов молока и несколько упаковок какао-порошка. Естественно, Бармен заказал (правда, когда принимал деньги, еле давил в себе готовый вырваться наружу взрыв хохота) и с тех пор за умеренную плату я имею удовольствие вспомнить детство. И никто надо мной больше не ржёт, даже пару человек попросили Бармена тоже сварить им горячего шоколада — конечно, не бесплатно. Хозяин заведения как-то в шутку сказал мне, что если сделает меню бара, то обязательно включит в него какао.

Вскоре Бармен вышел из подсобного помещения — по совместительству кухни — с кружкой в руке, из которой поднимался пар, и веяло дурманящим ароматом.

Я со словами благодарности принял какао и направился к столику Кира. Кира так нарёк

его наставник в честь писателя-фантаста Кира Булычева — будущий сталкер «по молодости» в каждом кусте и дереве видел страшного мутанта.

— Это что такое? — недовольно спросил у меня сталкер, когда я подошёл к его столику, опёрся об него и стал маленькими глотками пить горячий шоколад. — Ты что, взялся научных по Зоне водить? — Он кивнул на моих ведомых, с аппетитом уплетающих нехитрый обед. — Жить надоело? Они же тебя заведут, чёрт знает куда!

Я сделал глоток горячего какао и аж зажмурился от удовольствия.

— Это не научники, — после напряжённой паузы ответил я. — Это туристы. Их проводник кинул посреди Зоны, я их подобрал и за умеренную плату взялся вести к Периметру.

— А как же наша ходка за «душой»? — насупился приятель. — Мы же договаривались...

— Ну, если хочешь, давай вместе поведём этих двух, я с тобой поделюсь деньгами, которые мне туристы дали, не жадный. Вдвоём за ними даже легче уследить. А потом от Периметра сразу пойдём на Армейские склады.

— Э-э, нет! Я порядочный сталкер — раз ты взялся за эту работу и часть её уже выполнил, то я не буду мешаться.

— Если хочешь, могу с тобой не делиться. — Я хитро улыбнулся. — Тогда пойдёшь?

— Нет, Кекль, не выйдет! Ты их доведи, а потом возвращайся сюда, я тебя здесь буду ждать. Уж, поди, ничего «душе» не сделается.

— Не понимаю, почему ты отказываешься. — Я недоумевал — насколько мне известно, Кир пришёл сюда за деньгами и потому не стал бы отказываться от них — ничего не стоит вдвоём, взяв их «в клешни», довести напуганных, а значит, послушных туристов до Периметра.

— Ты знаешь. — Приятель, навалившись грудью на стол, склонился ко мне поближе и заговорил шёпотом, словно собирался рассказать свой самый большой секрет. — Сейчас что-то в Зоне творится такое...

— Что ты имеешь в виду? — Чтобы ничего не прослушать, я даже поставил кружку с какао на столик, грубо сколоченный из каких-то деревянных ящичков.

— Сам посуди: ты когда-нибудь слышал, чтобы на Кордоне обитали кровососы?

— Кровососы? — Моё удивление было неподдельным. — А какого?..

— Ты чего, брат, в Сеть не заходишь? Ты посмотри, там же всё ясно написано и сомневаюсь, что это враньё — вчера на Периметр со всей Зоны хлынула волна мутантов, как после выброса. Военные еле отбились. Сегодня с утра весь Кордон с вертолётов пулемётами и «Вулканами» перепахали, чтобы уничтожить мутантов и предотвратить второй наплыв.

— Слушай, а ведь правда... — Я стал вспоминать события сегодняшнего дня и заметил некоторую странность. — Сегодня в коллекторную трубу, где я ночевал, зомбак чуть не запёрся. К счастью, на растяжке у входа подорвался. Когда это зомбированные так свободно по Янтарию бродили? Они же только рядом с этой пси-установкой и пасутся. А потом, когда мы шли через «Лабиринт Смерти», с того же Янтаря снорки выползли и нас хотели атаковать. К счастью, мы успели выбраться из «Лабиринта», прежде чем эти упыри в противогазах в аномалии на краю туннеля запрыгнули... А как только цепная реакция закончилась, с Диких Территорий псевдособаки под управлением чернобыльца на нас кинулись. Мы отбились только благодаря тому, что на пси-собаку кровосос напал. Я со столькими порождениями Зоны даже за целый день не встречался, а сейчас только обед...

Слушай, а правда что-то с Зоной творится. Слово третий взрыв грядёт...

— Ну-ну, — прервал меня Кир. — Не каркай, знаешь ли, мысль материальна.

— Да, точно. — Я в задумчивости отхлебнул какао. Даже его вкус теперь не действовал на меня успокаивающе и умиротворяюще.

— Я бы вообще тебе не советовал никуда идти, — серьёзно сказал Кир. — Опасно! Вряд ли третий взрыв, но вот сильнейший выброс ни сегодня — завтра может бабахнуть.

— Как это мне не идти? — опешил я. — Я и деньги уже взял, и надежду туристикам дал. Мне что, им в «Подсобке» за свой счёт номер снимать?

— Дело твоё. — Кир пожал плечами и снова уткнулся в ПДА. — Я бы на твоём месте не пошёл. Жизнь дороже всяких денег.

Чёрт! Я залпом допил порядком остывший какао и отставил кружку от себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В этот момент со стороны улицы послышалось шарканье. Все посетители бара повернули головы на вход.

Через несколько секунд на проходе появился сталкер грузной комплекции. Он был облачён в обычный сталкерский костюм с вшитыми между слоями ткани спереди и сзади кевларовыми пластинами; за его спиной болтался автомат «Абакан». Это Рейсер. Не знаю, за что он получил кличку, — спрашивать как-то неприлично — пусть и не у самого человека, — но, наверное, за то, что раньше участвовал в гонках, а возможно, и в нелегальных ночных заездах.

Рейсер обвёл взглядом зал. Когда сталкер увидел Татьяну, он выпучил глаза, поморгал, словно ему привиделся контролёр и направился к стойке, не отрывая взгляда от девушки. Ещё бы — в Зоне очень редко можно встретить хотя бы одну женщину (притом Татьяна довольно симпатичная), чаще в барах — они там работают стриптизёршами... Есть и такие женщины, которые хотят доказать, что они лучше мужчин в роли сталкеров. Идут в Зону, но, естественно, в первые же дни гибнут.

Сталкер подошёл к Бармену и что-то тихо ему сказал. Хозяин заведения кивнул, отложил книгу в сторону, поднял верх стойки и жестом пригласил Рейсера за собой в подсобку. Наверное, сталкер хочет сдать Бармену хабар, и сейчас они будут договариваться о цене.

— Ну так что, — продолжил я прерванный появлением нового посетителя разговор, — договорились? Я доведу туристов до Периметра, потом вернусь, и вместе пойдём за «душой»?

— А, так ты всё-таки пойдёшь?! Экий жадюга! Ладно, спасибо, возьму на заметку.

— Да ты меня не так понял!! — Меня взбесило то, что приятель обвинил меня в жадности к деньгам, присущей разве что мародёрам и убогим, которые кроме материальных богатств ничего в жизни более не ценят. — Точнее, я не так выразился. Извини. Я хотел сказать, дождусь, когда выброс и гон закончатся, тогда и пойду. Все эти волнения фауны и флоры Зоны, всплески аномальной активности — предвестники мощного выброса. Зоне в этот раз хорошая чистка нужна.

— А, ну это здоровое решение! Если твоё предложение всё ещё в силе, то можно я тогда с тобой пойду?

— Можно, конечно. А чего плёл про какую-то порядочность? Мог бы сразу сказать, что трусишь со мной идти, пока всё в Зоне не успокоится.

Приятель хотел что-то ответить, даже открыл рот, но потом передумал.

Вдруг бар знатно тряхануло, лампы на потолке со скрипом закачались, и с улицы донёлся раскат. Но не грома. Это главный предвестник выброса.

— Во фортануло, — поражённо сказал приятель. — Сейчас выброс пройдёт, и пойдём сразу. Или прямо сейчас пойдём? — Сталкер хитро мне подмигнул.

— Ты знаешь, — задумчиво начал говорить я, — до начала выброса интуиция мне напевала про безопасность пути. Обычно, когда что-то нечисто, у меня появляется такое ощущение дискомфорта. Например, с месяц назад, когда я шёл близ Рыжего леса, я решил срезать путь, тем более что аномалий на той узенькой тропинке не было видно. В общем, пройдя метров пятьдесят по вытоптанной зверьём тропке, мне словно раскалённое остриё копья в задницу вставили. С каждым шагом вперёд ощущение беспричинного животного ужаса внутри меня возрастало. И тогда я вернулся на основную дорогу. Чувство дискомфорта сразу же прошло. А через минуты две по той тропке стая слепышей погнала впереди себя огромного кабана. Вот так-то! Меня бы этот кабанчик на клыки поддел и не пёрнул. Это только один случай, я тебе его рассказал для наглядности. А пока нас не трягнуло, я не ощущал никакой внутренней напряжённости. Замечу, это чувство никогда меня не подводило. Не знаю, что это, — то ли интуиция, то ли сталкерское чутьё, то ли предчувствие возможной смерти. Но меня беспокоит тот факт, что это чувство внутренней опасности молчало. И сейчас тоже. Как думаешь, неужели оно притупилось?

— Понятия не имею. — Кир недоумённо пожал плечами.

Меня серьёзно это обеспокоило. Как так? Неужели теперь я не буду чувствовать близкой опасности? Интуиция у меня была хорошо развита и на Большой земле, со временем в Зоне она только заострилась...

Зал снова трягнуло, две лампочки замигали, немногочисленные посетители «100 рентген» беспокойно загудели, достали свои карманные компьютеры — наверное, хотели написать своим приятелям, накануне отправившимся в рейды. Да, не завидую я тем, кто сейчас находится в Зоне вне укрытия. Судя по поведению мутантов в последнее время, выброс будет нешуточным и в разы сильнее обычного. А это значит, что и не каждое укрытие оправдывает надежды его хозяина и аномальная энергия не превратит того в зомби.

У меня резко расфокусировалось зрение, предметы и люди потеряли свои контуры. Пару секунд — и я стал снова нормально видеть. Это реакция на выброс. К слову, у каждого человека она тоже разная. У Кира, насколько я помню, живот болит.

— Ох ёшь! — взвыл мой приятель, сгибаясь в три погибели.

Точно, живот у него во время выбросов крутит.

— Кекль, — просипел Кир, — извини, но я выйду, — и кинулся в сторону туалета.

Я про себя пожалел приятеля — это ж надо — раз в неделю (это если выбросы по плану, а может быть и чаще) кишки словно бодибилдер выкручивает. Этот выброс, кстати, внеплановый, он должен был быть через три-четыре дня.

Дверь из подсобки распахнулась, и оттуда вышел улыбающийся во весь рот Рейсер — видимо, сделка по сдаче собранных в очередной ходке артефактов, заключённая с Барменом, оказалась для него удачной в плане денег. Вдобавок он держал в руке бокал с пивом.

Следом за сталкером вышел Бармен, закрыв дверь в подсобное помещение на ключ, который сразу же положил во внутренний карман своей кожаной жилетки. Он, в свою очередь, судя по лёгкой походке, тоже был доволен сделкой. Подойдя к своему месту за стойкой, хозяин заведения уселся на стул и продолжил чтение книги.

Рейсер же направился к столику рядом с моими клиентами. Он, не отрывая взгляда от

Татьяны, подошёл к ней сзади и смачно хлопнул ладонью по части тела ниже спины.

Ух ты! А вот это уже хамство! Я поручился за безопасность туристов и в обиду их не дам! Тем более у меня есть мужское самолюбие, которое против такого обращения с девушками. И всё равно, что этот громила почти в полтора раза больше меня. Зато падать будет больнее и громче. Я уверенной походкой направился к Рейсеру, попутно наблюдая за его действиями.

Когда Таня развернулась и что-то возмущённо крикнула сталкеру в лицо, тот откинул голову назад и заржал. Конь долбаный! Дмитрий решил погеройствовать — подошёл к Рейсеру и что-то ему с негодованием сказал, хмуря лоб. Здоровяк бекнул «иди в жопу» и толкнул очкарика в грудь. После этого наш «герой» сразу как-то сник и отошёл назад. Мужчина, итить!

Я подошёл к бугаю, продолжающему домогаться до девушки, и положил ему руку на плечо.

— Избушка-избушка, повернись ко мне передом.

Рейсер вмиг заткнулся, зло засопел и исполнил мою просьбу.

— Те чё? — взревел он. — Не видишь, недоносок, что я с девушкой общаюсь?

— Ты не общаешься, ты нагло домогаешься! Отошёл отсюда!

— Те чё, жить надоело?! — брызжа слюной, небрежно спросил Рейсер. — Щас ты сам отсюда свалишь, причём не уйдёшь, а улетишь, прямиком башкой в стену.

— Я пока снова прошу по-хорошему, — терпеливо сказал я, начиная закипать.

— Просишь! — взревел громила, — я тебе одолжений делать не буду! Тебе вообще какое дело?

— А есть мне дело — они со мной. — Я обвёл рукой столик туристов.

— Ну и чё? — ничуть не смутился Рейсер.

Как же я ненавижу подобные разборки. Бывает, приходишь с рейда уставший как псевдособака, хочешь отдохнуть от всех этих мутантов, дать отдых мозгу, усердно искавшему аномалии, а какому-нибудь безмозглому типу нужно непременно привязаться. Было бы поменьше таких, как Рейсер...

— Слышь, животное похотливое, — сквозь зубы процедил я, сжимая кулаки, — я в последний раз по-хорошему прошу тебя уйти. Тебе чего от девушки нужно? Тебе шлюх из «Шти» мало?

Лицо Рейсера после этой моей фразы стало красным, как помидор, крылья его носа раздувались так, что казалось, будто сейчас сталкер взмоет в воздух, пробьёт головой потолок и улетит в гости к зелёным человечкам. Он оставил на столик бокал с пивом, засучил рукава и сделал огромный шаг в мою сторону.

Я едва успел отпрыгнуть назад, иначе бы здоровяк просто смёл меня грудью. Неужели этот безмозглый качок собрался драться прямо здесь? Я же ему предлагал уйти, а не драться. Я, конечно, знал, что он пойдёт на рожон, но явно переоценил его умственные возможности — он мог бы догадаться хотя бы на улице разобраться. Ах, выброс же, никуда мы не смогли бы уйти из бара. Рейсер, тупой идиот, ну зачем именно перед выбросом-то было к Татьяне приставать?.. А я же не мог просто стоять и смотреть, как он её домогается!

«Долгу» наплевать — выброс не выброс, они нас обоих за драку отсюда выгонят и никогда больше на территорию Бара не допустят. И это в лучшем случае. А в худшем для нарушителей устоев бара предусмотрено наказание в виде схватки на Арене. Ещё бы — «Долг» — полувоенная группировка, а значит, дисциплина в ней армейская. И они не

потерпят на вверенной им территории нарушения законов. Не люблю Арену. Нет, я её презираю! Вся суть этого заведения в том, чтобы люди убивали друг друга на потеху публике. Кто-то там говорил про то, что, якобы в декабре двенадцатого года должен был наступить конец Света. Сегодня уже май тринадцатого и, как можно догадаться, всемирный капут не наступил. Но конец Света придёт не на Землю, не из Космоса, он зародится на Земле. Точнее, уже зародился. Ведь люди — не животные, Создатель наделил нас разумом для чего-то. А мы опустили даже ниже зверей — убиваем себе подобных ради забавы. Животные если и убивают друг друга, то для того, чтобы питаться. Это пищевая цепочка, закон природы. А то, что происходит на Арене, — полная деградация если так будет продолжаться, то скоро люди сами себя сожрут — просто так, для остроты ощущений. Короче, на Арену я, мягко говоря, не рвался. Посему решил попытаться уладить словесную перепалку, уже начавшую плавно переходить в драку.

Но ничего предпринимать мне не пришлось, потому что за спиной Рейсера вдруг возник Бармен. Да, именно взял и возник. Будто материализовался из воздуха. Как хозяину заведения удалось выйти из-за стойки, не скрипнув дверцей, передёрнуть затвор дробовика и бесшумно приблизиться к нам, на секунды две стало для меня загадкой, но потом я понял, что мы были слишком увлечены перепалкой между собой и ничего вокруг не замечали.

Хозяин заведения незамедлительно приставил ствол дробовика к затылку сталкера.

Здоровяк сразу же остановился и ещё громче засопел. Но потом его лицо распрямилось, и в глазах мелькнул испуг — вспомнил, дебил конченный, кому здесь разрешено оружием размахивать.

— Вы чего здесь устроили, а? — спросил хозяин заведения. — Совсем нюх потеряли?..

Наверху снова прогремел раскат, и на территории Бара запоздало взвыла сирена, предупреждая и «долговцев», и вольных бродяг о приближающемся выбросе.

Внезапно у меня поплыло зрение, Рейсер, нависающий надо мной, превратился в одно большое белое пятно. Закружилась голова. Меня повело назад, и я предотвратил падение, чудом ухватившись руками за столик, что справа. Чёрт! Никогда так плохо во время выбросов себя не чувствовал! Неужели этот такой сильный... Ну вот, теперь и одышка появилась, как при астме... А я ещё драться хотел...

Я почувствовал, как кто-то ухватил меня под руки, и затем я провалился в беспамятство.

* * *

Очнулся я в каком-то маленьком полутёмном помещении. Над головой из-под пыльного абажура тускло светила лампочка. Где-то совсем близко гудел старый холодильник — уж этот натужный звук ни с чем не спутаешь. Я лежал на твёрдой, но ровной поверхности. Кровать, что ли?.. Где я?.. Дома? А Зона — всего лишь плохой сон?

Я резко подскочил, но, сразу же почувствовав слабость, снова упал на кровать. Теперь я точно уверился, что это именно она. Я глянул вправо. Там, вплотную к одноместной кровати, стоял низенький холодильник «ЗИЛ», наполняя помещение ровным монотонным гулом. На боках старой техники облупилась краска, в некоторых местах была ржавчина.

— Кекль, вы как? — раздался знакомый голос слева.

Я глянул туда. У кровати на стуле без спинки сидел Дмитрий. Вот уж кого не ожидал увидеть у своей кровати. Хе-хе!

Лицо туриста излучало беспокойство и в то же время радость.

— Очкарик, я где?

— В комнате у Владимира Николаевича. Он любезно позволил положить вас здесь, когда вы потеряли сознание.

Потерял сознание?! Ах да, точно, во время выброса.

— Кто такой Владимир Николаевич? — В Зоне не принято называть друг друга по настоящим именам, а тем более по отчеству. И на «вы», кстати, тоже.

— Бармен, — с таким возмущённым видом ответил Димон, словно я его спросил, не вступал ли он когда в половое общение с мужчинами.

— А-а... Сколько время? — На запястье у меня не было ПДА, хотя я точно помню, что именно туда в последний раз и закреплял карманный компьютер.

Очкарик встал, подошёл к маленькому столу, накрытому клеёнкой, стоящему напротив кровати, у другой стены комнаты. Взял в руки лежащий на столе ПДА — мой, кстати, — и разблокировал клавиатуру.

— Пятнадцать ноль одна.

Значит, я провалялся в отрубе всего минут тридцать пять, не больше. Да, раньше со мной подобного не случалось. И на выбросы я стал так реагировать и его приближения не чувствую. Если так будет продолжаться, я вообще в Зоне жить не смогу.

— Кстати, Татьяне тоже плохо стало, но сознание она не теряла, — зачем-то сообщил Димон.

— А что с Рейсером-то?

— Да как выброс закончился, Владимир Николаевич его и выгнал. Сказал, мол, я много терпел твои наглые выходки, убытки, но только потому, что ты приносил мне хороший хабар. Теперь, значит, мне это надоело и я даже ради дорогих артефактов не намерен это терпеть. Чтоб духу твоего здесь не было!

— А про меня что сказал? — настороженно спросил я, но сразу же понял, что со мной Бармен решил так не поступать, как с Рейсером — иначе с его стороны было бы глупо класть меня в своей комнате как в больницу с намерением позже выгнать из бара навсегда.

— Да ничего, — пожал плечами Дмитрий. — Но сказал, что как очухаешься, чтоб уходил отсюда.

У меня на сердце похолодело. На мгновение я разочаровался в умственных способностях Бармена.

— Из комнаты в смысле, — добавил очкарик.

— Фух! Меня чуть инфаркт не хватил, дубина! Мог сразу сказать.

— Кекль. — Димон не обиделся на «дубину», — а что такое «хабар» и «артефакты»?

— Потом, всё потом, — пробормотал я, слезая с кровати.

Я прицепил на запястье карманный компьютер, нашёл глазами автомат, лежащий на стуле. Проверил наличие запасных магазинов, ножа. Всё на месте. Ха! Стал бы Бармен у меня что-то воровать. Смешно, ей-богу. Судя по тому, сколько народу здесь каждый вечер толчётся, можно смело сказать, что Владимир Николаевич — очень богатый мужик. Конечно, часть денег из его выручки идёт в копилку «Долгу» — за снятие в аренду подвала, в котором и расположен «100 рентген». Ещё немного — повару и Горюну. Итого около половины только Владимиру Николаевичу. Но Бармен здесь давно и тратится ему не на что, так что скопилось у него... много, в общем.

Проверка снаряжения — это скорее привычка, чем недоверие к хозяину заведения. Взял

с пола у кровати рюкзак, одел и по привычке попрыгал. Посмотрел на Дмитрия. Очкарик внимательно следил за моими действиями, словно ученик на доску, пытаюсь запомнить всё, что на ней написано, прежде чем преподаватель сотрёт все записи.

Я прошёл мимо туриста к двери и повернул ручку.

Из бара ушли наставник с учеником, что стояли за столиком около входа, так что народу здесь теперь было очень мало — естественно, Бармен, Кир, уже очистивший свой кишечник, и Татьяна за тем столиком, за который я с самого начала поставил туристов.

Я велел Дмитрию идти к Татьяне и подождать, пока я закончу все дела. Первой остановкой была стойка Бармена.

— Привет, Владимир Николаевич! — поприветствовал я, подходя к стойке.

Хозяин заведения недоумённо поднял бровь, затем на его лице промелькнуло понимание, и он покачал головой:

— Вот болтун, а, я ж так сказал. Ладно, чего ты вырубился-то? Метеозависимый?

— Да нет, не зависимый. Спасибо, кстати, за то, что у себя положил. Хоть как человек на кровати полежал. А насчёт потери сознания я сам в удивлении, никогда такого во время выбросов раньше со мной не случалось. И вообще я всего один раз в жизни сознание терял — когда меня куча дебилоидов на Большой земле окружили... не важно, короче. А что это тебе Рейсер за хабар такой приносил, что ты ради него готов был даже терпеть убытки?

— Он приносил как раз те артефакты, которые мне были нужны. Давал я задание, например, новичку какому-нибудь. Именно новичку, потому что многие опытные сталкеры за такое братья не будут — считают неприбыльным делом мелочёвку мне носить. Например, «ломоть мяса» принести...

— Наслышан, да, — кивнул я.

— Ну так вот: даю я новичку подобное задание, а от него, от человека, имею ввиду, потом ни слуху, ни духу. Зато Рейсер приносит мне именно то, что я попросил у тех новичков. И не только это. Вот потому и терпел я его.

— Ясно. А как новичков звали тех? — Я спросил это скорее для поддержания разговора, чем из настоящего интереса.

— Да их всего двое было. А, нет, недавно третьего за «кровью камня» послал. Странно, что новички и без наставников ходят по Зоне. Хотя чего удивляться — скоро от гордыни люди совсем раздуются. Первого нанимателя звали то ли Киселём, то ли Компотом, плохая память у меня на такие подробности. Второго вроде Ландышем. Хе-хе! А третьего хоть пытай — не вспомню. К сожалению, никто из них мне не принёс заказ.

— А некрологов об их смерти не приходило? — как бы между прочим спросил я.

— Да почём я знаю, — вздохнул Бармен, — я в Сеть никогда не захожу, ничего там полезного нет, сплетни одни.

— Как думаешь, а почему они тебе заказ не несут?

— Да мало ли... Может, банально передумали, может в пасть к мутантам или в аномалию попали. В конце концов, на Свалке постоянно мародёры ошиваются. Знаю, если подумать, то напрашивается вопрос: «А не Рейсер ли новичков тех замокрил и артефакты, что они мне несли, сам мне принёс?» Может, и так. Но, как говорится, не пойман — не вор. Да и я надеюсь, что среди сталкеров нет гадин, способных на такое.

— Ладно, спасибо, — поблагодарил я хозяина заведения за информацию. — Я же к тебе не болтать, а по делу подошёл. Ты только сейчас не ругайся, ладно?! Можно у тебя на время оружие взять?

— Напрокат, что ли?

— Да, напрокат.

— Э-э, нет, тут тебе не библиотека, Кекль. Вот, не приведи Господь, случится с тобой что, а кто мне оружие вернёт?

Результат ожидаем, но не мог не попытаться.

— Тогда покажи мне, пожалуйста, обрез, потом мне нужны заряды к нему и любой простенький детектор аномалий.

— Хорошо, пошли, покажу. — Бармен взял со стойки ключ, положил в книгу закладку и направился к двери подсобного помещения.

В подсобке «100 рентген» стоял полумрак, лишь одна лампочка освещала большое помещение, в котором стоял холодный воздух. От которого, если он касался голых участков кожи, по телу пробегали мурашки.

Я далеко не в первый раз оказался здесь, но в очередной раз поразился, сколько тут много дверей, ведущих то в «Оружейную», то на кухню, то ещё куда-то. Сам же, можно сказать, коридор играл роль склада — здесь было много мешков с овощами, два таких же, как в комнате у Бармена, «ЗИЛА», в которых, надо полагать, стоят кастрюли с тем же томатным супом, молоком. Странно, кто здесь прорыл целую систему для содержания «ресторана»? Сомневаюсь, что в обычном подвале заводского здания с самого начала было столько помещений. Это ж сколько денег надо было вбухать, чтобы оборудовать и достроить всё это. Однако, видимо, затраты оправдали себя.

Бармен подошёл к дубовой двери, на которую был приклеен тетрадный листок с надписью «Оружие». Отпер дверь и, зайдя в помещение, щёлкнул по выключателю. «Оружейную» осветила одна слабая лампочка. Само помещение было заставлено стеллажами с оружием. На них были два автомата «Абакан», две снайперки ИЛ-86, три обычных «калаша», дробовик «Чейзер-13» и обрез охотничьего ружья. По углам наставлены столы с разложенными на них пистолетами, гранатами, медикаментами, различным снаряжением вроде детекторов и пачками патронов.

— Выбирай. — Бармен ушёл с прохода, дабы я мог подойти к стеллажам.

— А оружие не заряжено? — спросил я. — А то спуск проверить хочу.

— Ага, стал бы я заряжать, чтобы меня того... — лаконично ответил хозяин «100 рентген». — Давай, выбирай, но не копайся долго, чай, не одежду жене покупаешь.

Я подошёл к стеллажам, взял в руки обрез. Вроде внешних повреждений нет, ударно спусковой механизм тоже в норме.

— Я возьму это. — Я показал Владимиру Николаевичу двуствольный дробовик.

Бармен кивнул и указал рукой мне на стол с патронами, ускоряя процесс покупки — хочется почитать, а ему сегодня так и не дают.

Для обреза я взял коробку на сорок зарядов, самый простенький из всех имеющихся детектор аномалий «Отклик» и ещё решил захватить одну полупустую коробку патронов к своему АКСУ — боеприпасы в Зоне лишними не бывают.

Повесив обрез за ремень на плечо, распределил патроны и детектор в разные руки и сообщил Бармену о завершении поисков нужных мне вещей.

— Ну, давай, считай мне всю еду и амуницию, — попросил я хозяина «100 рентген», когда он оказался за стойкой, я — перед, а всё выбранное мной в «Оружейной» — на ней.

Бармен достал из бокового кармана жилетки маленький калькулятор, включил и, нахмутив лоб, — явный признак задумчивости — стал складывать цены.

— С тебя, Кекль, две тысячи пятьсот семьдесят рублей, — сказал он итоговую сумму за все совершённые мной за сегодняшний день в баре заказы и покупки.

— Это по-человечески, — сказал я, отсчитывая из солидно толстой пачки денег нужную сумму. — Я думал, больше будет.

— Что ж я зверь какой, — буднично отозвался Бармен, принимая от меня бумажные купюры и складывая их в жилетку, — брать с человека деньги за то, что он сознание потерял, вследствие чего я его к себе в комнату положил. Нет, я не настолько жадный. — Хозяин бара украдкой посмотрел на меня, заговорщически улыбнулся и добавил: — Но и не настолько бедный.

Рассчитавшись, я взял купленные вещи и прошёл к столику своих ведомых. Положил на него коробку патронов для дробовика, детектор и с глухим звуком на стол лёг обрез.

— А это зачем? — Дмитрий обвёл пальцем всё добро, которое я только что положил на их столик.

— Вам это. В данный момент вы плохо экипированы и я решил немного потратиться, чтобы если что был хотя бы шквал огня, про точность стрельбы я уж не говорю. Так, ждите здесь, я скоро, — и направился к столику Кира.

— А мы что, не сейчас пойдём? — бросил дурацкий вопрос мне в спину очкарик.

Я развернулся, посмотрел на него уничтожающим взглядом (по крайней мере, я его таким считал) и собирался произнести гневную тираду, но передумал и лишь только сказал:

— Решения ведущего, как вы должны помнить, не оспариваются, — и пошёл к столику приятеля.

Совсем debil он, этот Дмитрий, что ли? Хотя грех его винить — видимо, о Зоне он ровным счётом не знает ничего и потому не в курсе, что через час после выброса от ЧАЭС к Периметру идёт волна мутантов; это явление называется «гон». Во время гона все сталкеры либо в барах отсиживаются, либо в надёжных убежищах вроде подвалов и погребов. Отбиться от волны мутантов шириной где-то в полкилометра и длиной больше раза в три — одиночке, мягко говоря, не под силу. Да даже двадцати человекам (даже если у каждого по пулемёту Калашникова и к нему тысяча патронов) это не удастся, потому что там не только слепые собачки да кабанчики, а ещё и химеры, изломы, контролёры и псевдогиганты — пожалуй, самые опасные монстры Зоны. Такая волна просто сметает всё на своём пути, не оставляя шансов даже строениям, выдерживающим самые мощнейшие выбросы. Причём гон — это не одна такая волна мутантов, этих «волн» четыре-пять — мутанты сгруппировываются в несколько «легионов» и идут в разные стороны от ЧАЭС.

— Ну, как мультики посмотрел? — съехидничал Кир, когда я подошёл к его столику.

— А ты за собой хорошо смыл? — огрызнулся я. — А то Бармен озлобится, когда толчок будет отмывать, и станет тебе цены за арты заламывать...

— Очень смешно, — отозвался сталкер. — Ты, кстати, пойдёшь мутантов со стены стрелять, когда гон будет?

— Нет, спасибо, чего-то мне неохота. Слушай, ты же в Сети много сидишь, все новости знаешь?..

— Ну да, — кивнул Кир, не понимая, к чему я это спрашиваю.

— А не было ли случаев за последнее время некрологов о смерти новичков Компота или Киселя и Ландыша?

Мой приятель нахмурил лоб, закатил глаза кверху и почесал подбородок. Затем просиял

и сказал:

— Да, недели две назад пришёл некролог о смерти сталкера Киселя, причина — огнестрельное ранение.

— А место гибели?

— Свалка. А насчёт Ландыша... не помню точно, но, по-моему, деньков пять назад пришёл некролог о его смерти. Причина и место те же, что и первого, то бишь Киселя.

— А ещё не погибало новичков на Свалке от огнестрела?

— Извини, но если человек регистрируется в Сети, то он официально сталкер, хоть два дня он в Зоне, хоть пять лет. Но вроде вчера было оповещение о гибели некоего Киля, как и в двух других случаях причина — огнестрел, место гибели — Свалка. А зачем тебе это? А! Думаешь, кто-то методично отстреливает новичков?

— Я не думаю, я уверен. И, кажется, я знаю, что это за гнида...

— Да-а? — протянул Кир. — Скажи, кто! Мы эту сучару на гнилом суку у блокпоста повесим!

Я неуверенно посмотрел на приятеля, желающего узнать то, что мне известно по этому поводу. Но вдруг это не Рейсер убивает новичков на Свалке? Что тогда? Обвинить в таком подлом деянии человека, если он его не совершал, — очень серьёзный проступок, за который обвинённый вами и невиновный может запросто вызвать вас на Арену. Я уже уточнял, почему терпеть не могу это место, и потому не торопился озвучить Киру свой ответ.

— Извини, но пока я не могу сказать. Точно не уверен.

— Но ты же сказал, что знаешь...

— Информация неточная, есть много совпадений, но это ещё ничего не доказывает.

Совпадений и вправду много: например, кто может так подло отстреливать новичков, причём за грошовые артефакты? Мародёр, конечно. Человек безо всякой жизненной морали и, как бы это банально не звучало, без совести. А у любого мародёра поведение и замашки, мягко говоря, не самые благородные. Рейсер ведёт себя очень уж подозрительно — нагло домогается до девушек, разговаривает на бандитском жаргоне, устраивает дебоши. И это не говоря уже о том, что он приносит Бармену именно те артефакты, что тот просил у новичков. Так что можно смело предположить, что Рейсер — тот, кто подло отстреливает сталкеров-новичков. Предположить, а не орать на каждом углу. По крайней мере, пока не будет исчерпывающих доказательств — видео или фото, например, а ещё лучше увидеть мародёрства Рейсера собственными глазами.

— Ты не передумал, точно идёшь со мной? — спросил я Кира.

— Точно! Так, — он глянул на экран ПДА, — скоро гон будет здесь, минут через тридцать. Я пока пойду, место на стене займу и поболтаю с кем-нибудь.

— ОК! — кивнул я. — Только как гон через Бар пройдёт, сразу выдвигаемся. Если что, ждать тебя не буду.

— Не мандражируй, всё будет норм. — Приятель ободряюще похлопал меня по плечу, подхватил свой рюкзак и пошёл к выходу из «100 рентген».

Я остался в баре. Тоже мне удовольствие — сесть на стену, свесив ножки вниз, и отстреливать мутантов, бегущих по направлению к Периметру. Нет, увольте, не люблю излишнюю жестокость. В Зоне ладно, ты защищаешь свою жизнь, отстреливая напавших на тебя хищников. Всё равно мутанты к Периметру бегут, пускай хоть военные поработают, а то только и знают, что честных бродяг ловить да грабить. Вон, пусть «долговцы» мутантов

стреляют, это их прерогатива и главная цель — искоренить Зону и всё что с ней связано. Вот пусть и искореняют, а в данном случае вернее сказать — пытаются и тешатся своей липовой властью. А мне, вольному бродяге, не охота патроны переводить, пусть даже мне их и «Долг» даёт — всем желающим по одному рожку — и вперёд на стену. Всё равно смысла в этом мероприятии нет — там столько зверей, что глаза разбегаются и прицелиться ни в кого нормально толком не удаётся — всё быстро мельтешит, движется, непонятно, где чья лапа, голова или хвост. Так можно только ранить десяток мутантов, и то не смертельно. В общем, толку никакого.

Я подошёл к столику ведомых, с нетерпением переминающихся с ноги на ногу.

— Значит так, господа адреналинщики, распределим меж вами оружие так: Димон, вернёшь мне мою «беретту»... Не здесь же! Потом, когда попрошу. В общем, вернёшь пистолет и возьмёшь обрез. Зарядишь его, когда уйдём с территории Бара. Надеюсь, знаешь, как с ним обращаться?

— Да, — недовольно ответил турист. — Послушайте, Кекль, а разве мы вам не заплатили? Почему вы не ведёте нас, чего ждёте?

Я закатил глаза к небу, глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы не раздражаться от дурацких вопросов Дмитрия.

— Если я вам объясню, то вы не будете в течение тридцати-сорока минут, что мы ещё будем находиться здесь, спрашивать меня об этом?

Очкарик, немного подумав, кивнул.

— Тогда слушайте: совсем недавно закончился выброс, а после этого явления от Чернобыльской атомной электростанции по направлению к Периметру идёт волна мутантов. Это явление называется «гон». Не дай бог оказаться на пути гона — звери сомнут и не извинятся. Как бы вам нагляднее объяснить, что такое гон... Помните снарков, кровососа, чернобыльского пса и псевдособак? — придумал удачный пример я. И, не дожидаясь ответа, так как такое сложно было забыть да ещё в такие короткие сроки, сказал: — Вот представьте себе, что на вас несётся сотня снарков, пятьсот псевдособак, тысяча кровососов и ещё пара сотен чернобыльцев. — Конечно, количество мутантов каждого вида я во много раз увеличил, чем есть на самом деле, но это произведёт лучший эффект и — сто процентов — туристы не будут спрашивать меня снова и снова, почему мы никуда не идём. Точнее, не будет спрашивать очкарик, Татьяна молча стоит и не возникает.

Сначала Дмитрий ухмыльнулся и недоверчиво посмотрел на меня, но потом представил что-то в уме, нервно сплотнул и, спрятав взгляд от меня, уставился в поверхность стола, так как в глазах у него читался явный страх и он не хотел, чтобы я это увидел. Ошибаешься, Димка, я уже всё давно заметил.

— Так-то... Кстати, с нами пойдёт ещё один человек, — поставил я ведомых в известность. Опять же пока Дмитрий испуган, чтобы потом не возникал. — Не беспокойтесь, платить я ему буду из тех денег, что уже получил от вас. Ну, раз, времени у нас ещё как минимум минут тридцать есть, то, может, расскажите мне о вашем проводнике, где вы с ним познакомились? Очень уж мне интересно, как сейчас можно на экскурсию в Зону попасть.

— Проводника зовут Снег, — сказал неуклюжий очкарик. — Познакомились мы с ним на сайте...

— Он что, на сайте знакомств сидит? — прыснул я. — Вот это ни фигу себе. Представляю его анкету: высокий блондин, бла-бла-бла, место жительства — Зона.

— Нет, это был сайт, где предлагались подобного рода услуги: заказ артефактов, видео- и фотоматериалов из Зоны, экскурсии...

— Так и написано: «экскурсии»?

— Да. В общем, договорились мы с ним встретиться в военной городке недалеко от Периметра, оговорили сумму, сели на поезд, два дня пути и мы здесь.

— А как же этот сайт мог существовать? Все действия гражданских, связанные с Зоной, — нелегалы и являются преступлением.

— Официально сайт, где предлагались эти услуги, это Интернет-магазин. Просто там есть один незаметный пункт, и если щёлкнуть на энную строку, то вас переводят...

— В принципе, всё это понятно. Хотя я первый раз слышу, что в Интернете можно заказать услуги сталкерам. Мда... Ну а зачем вы сюда вообще пошли-то? Правда за острыми ощущениями? Ты — возможно, а про тебя, — я кивнул на Татьяну, — такого не скажешь, ты больше на учёную похожа.

Девушка смущённо хмыкнула и заговорила:

— Он как раз сюда из-за науки и прибыл, — опровергла мою гипотезу туристка, — а вот я... не сказать, что за острыми ощущениями, просто я много слышала про это место и решила проверить, байки это всё или нет. Короче говоря, из-за любопытства я здесь.

— Да, — вступил в разговор Дмитрий, — я взялся писать диссертацию про Зону и для сбора более подробных сведений, нежели в Интернете, ярких впечатлений — прибыл сюда. Вообще мы с Татьяной Сергеевной знакомы всего неделю, я искал напарницу или напарника для поездки сюда, мы познакомились на сайте, посвящённом Зоне. Решил похвастаться, что скоро поеду сюда, мы разговорились на эту тему, и в итоге она узнала, что мне нужен второй человек — одного меня провести по Зоне отказались, мол, смысла нет из-за одного человека так напрягаться. Так, собственно, мы и оказались здесь.

— Да-а, — удивлённо протянул я, — не знал, что сейчас в институтах дают диссертации на подобные темы.

— А я сам попросил, — гордо сказал Дмитрий.

— Ой, чего хорошего-то? Было б, чем гордиться. А то книжек начитался, в игру наигрался и решил съездить в Зону, натянуть дешёвый защитный костюм, сфотографироваться на фоне убитого даже не тобой опасного и страшного мутанта, гордо поставив на него ногу и с трудом держа одной рукой АКМ, и показывать потом эту фотку одноклассникам. Чтобы перестали чморить и зауважали — сталкер, мол, гроза всей Зоны, твою мать! Идиоты! — Не знаю, что на меня нашло, просто стало противно от осознания, что какие-то... противные дядьки и тётки ради денег пишут книги, а вот такие олухи, начитавшись их, едут сюда — посмотреть, что тут да как, опять же похвастаться перед друзьями — и заканчивают земное существование в какой-нибудь «воронке». Или, что ещё обиднее, в пасти слепого пса.

Туристы испуганно взглянули на меня и отвели глаза, наверное, мысленно соглашаясь со мной.

Я почувствовал, что проголодался, посему заказал Бармену тарелку томатного супа, пару ломтиков хлеба и колбасы, сразу же оплатил обед и, вернувшись к столику туристов, принялся за еду.

— А что такое «хабар» и «выброс»? — деликатно спросила Татьяна, когда моя тарелка опустела.

И в последующие двадцать пять минут я много говорил — рассказывал про Зону. Что

выброс — это очистка ноосферы — информационного поля Земли — от всех негативных мыслей людей. Что такое аномалии. Гипотезы относительно того, как образовалась Зона. В общем, много чего говорил.

Через двадцать пять минут с улицы послышались автоматные очереди, задорные крики и рёв мутантов — волна гона пошла мимо Бара, вот сталкеры сидят на стенах и палят в зверей.

Вскоре выстрелы стихли, и через пару минут в бар ввалился довольный Кир.

В зале сразу запахло порохом — неудивительно, приятель только что отстреливал мутантов, вот от его «Гадюки» и попахивает пороховой гарью. К слову, не понимаю, почему сталкер предпочёл это оружие старому, доброму, надёжному «Калашникову». Хотя НК МР5 (это его уже сталкеры «Гадюкой» назвали — то ли за качества стрельбы, то ли за внешнее сходство со змеёй) лучший в своём роде пистолет-пулемёт, однако пробивная способность пули у него поменьше, чем у того же «калаша». Единственные два плюса данного пистолета-пулемёта — патроны к нему относительно дешёвые и он компактный и лёгкий. Короче говоря, не понимаю, почему Кир выбрал именно это оружие — может, звук при стрельбе нравится, а может (хотя если бы было надёжное оружие в виде дубины, многие вольные ходоки его бы и взяли себе на вооружение), внешний вид нравится.

Подойдя ко мне, Кир хлопнул меня по плечу и весело сказал:

— Всё, я закончил, пошли!

— Это вы с нами пойдёте? — Очкарик пристально, оценивающе глядел на сталкера, словно на гордое звание второго сопровождающего были ещё претенденты.

— Точно! И, пожалуйста, более ничего у меня не спрашивай, иначе сразишь всех своим интеллектом. — Кир довольно заржал.

— Ввожу кое-какие коррективы в инструктаж по технике безопасности, — сказал я туристам, уже засобиравшимся уходить, — теперь у вас два проводника: я и Кир. Его попрошу называть именно так. — Я мельком глянул на сталкера, он был не против. — Но слушаться всё-таки вы должны ведущего, делать то, что он скажет. Вести отряд мы с Киrom будем по очереди, не только я. Понятно?

Ответом мне послужили синхронные кивки головами.

— Ну, пошли, что ли? — Мы с Барменом обменялись прощальными взглядами, и я направился к выходу из бара. За мной топали Дмитрий с Татьяной, а за ними шагал Кир.

За блокпостом большой участок асфальтированной дороги был не серым, а розовым — от мутантской крови. Смешавшись с дождевой водой, кровь потёками растеклась по дороге, натекла в канавы, впитавшись в землю и напитывая воздух гнилостным запахом.

Ещё дальше была вырыта рывина, куда «долговцы» сбрасывали трупы слепышей и псевдособак и засыпали их землёй — чтобы не смердели.

Справа от дороги росли мёртвые чёрные деревья, словно побывавшие в огне. На их ветвях болтался полуистлевший труп в кожаной куртке — именно здесь «долговцы» и вешают, как они выражаются, «на гнилом суку» всех пойманных мародёров и опустившихся до их уровня сталкеров.

Когда мы отошли чуть подалее, справа и слева на нас кинулись слепые псы. Но стоило только нам с Киром (туристы при виде мутантов замирали в ужасе) направить в их сторону стволы автоматов, как порождения Зоны сразу же развернулись и с жалобным скулёжом кинулись прочь. До чего же они странные, эти слепые псы... Пожалуй, это единственный вид мутантов, которые могут вот так, здраво рассудив, отступить без боя. Псевдособаки, например — близкие родственники слепышей — прут напролом и остановить их можно только пулями. Но нам такое поведение этих мутантов, несомненно, сыграло на руку — патроны тратить не пришлось.

Когда наш отряд отделился по дороге от блокпоста метров на семьдесят и мы оказались прикрытыми от взора слепых псов старым КАМАЗом с покрытым ржавчиной, раскрытым настежь кузовом, я остановился и попросил Димона вернуть мне мою «беретту», после чего проследил, как он переломил стволы обреза, зарядил его и взял дробовик в руки наизготовку. Я довольно хмыкнул и приказал ему повесить на запястье за ремешок «Отклик» — пользы от этого ноль — всё равно он, наверное, даже не будет обращать внимание на писк прибора, тем более что веду отряд я; это просто, чтобы турист чувствовал себя вовлечённым в процесс.

Затем удостоверился, что пистолет Татьяны по-прежнему находится в рабочем состоянии, снят с предохранителя и в карманах к ПМ у девушки лежит боезапас, равный двум магазинам по восемь патронов в каждом. Шестнадцать да плюс обойма в самом пистолете — двадцать четыре патрона. Многовато, конечно, для неё, так как вряд ли она будет вообще стрелять, а если и случится такое, то наверняка промажет. Скорее всего, при новой опасности будет вести себя так же, как и при других ситуациях с мутантами, — тупо кричать и, держа пистолет дрожащими руками, пытаться прицелиться во врага. Как и в случае с псевдособаками на Диких Территориях, — если и выстрелит, то будет очень глупо промахиваться. Но пусть патроны у неё лучше будут. В качестве моральной поддержки: чтобы знала — если опасность всё же настанет, отбиться возможность есть.

Удостоверившись, что всё в порядке, у всех оружие готово к отражению внезапной опасности, я повёл отряд к выходу с Бара.

«Долговцы» на границе Свалки и Бара, уже успевшие после выброса и гона прийти на свои дежурные места с базы группировки, проводили нас хмурыми взглядами и готовым к бою оружием в руках. Вид которого и грозные, небритые лица его хозяев отнимали у каждого проходящего через блокпост всякое желание вести себя вызывающе и вообще заговаривать с «чёрно-красными», как ещё называют «долговцев» за цвет их комбинезонов.

Пока от взора «чёрно-красных» нас не скрыла густая растительность — невероятно огромные листья на кустарниках, растущих возле дороги, — я остро ощущал на затылке неприятный зуд. Так обычно бывает, когда кто-то пристально смотрит на меня. «Смотри глаза не сломай», — мысленно сказал я «долговцу», почему-то так внимательно следящему за мной. Хотя они на всех кроме «своих» так глядят — мол, заразу всякую разносите, радиоактивные вы и если вдруг начнёте превращаться в контролёра или снарка — пристрелим на хрен!

Глазам предстали огромные кучи из различного радиоактивного мусора и одиночные брошенные строения.

Внезапно заморосил дождь. В Зоне так бывает — секунду назад не было, а сейчас — бац! Я одной рукой надел на голову большой капюшон и посмотрел на небо. Оно было обычным — те же тяжёлые свинцовые тучи низко нависали над головой. Это небо Зоны действовало как-то угнетающе на человека, нельзя долго смотреть вверх — говорят, можно сойти с ума. Не знаю, правда это или байка, но ставить эксперименты на своей жизни мне никогда не хотелось. Тем более что, смотря на небо, я действительно испытывал необъяснимое чувство тревоги и ощущение ментального давления.

Внезапный порыв ветра отклонил десяток капель дождя с первоначального вертикального курса полёта, и они попали мне на лицо. Я вытер рукавом дождевую воду и ещё больше надвинул капюшон. «Прекрасным» аккомпанементом к дороге являлся непрерывный треск счётчика Гейгера, предупреждающего о высоком уровне радиации. Хотя на Свалке — скоплении радиоактивного мусора — остовов старых машин, советской техники и различного рваного тряпья, в которое, к слову, так любят кутаться контролёры и бюреры, — высокий фон не такая уж и редкость. Всем известно, что железо прекрасно впитывает в себя радиацию. А железа на Свалке было полным-полно, на каждом шагу какая-нибудь дверца от холодильника или гаечный ключ. Я уж не говорю про кладбище старой техники, которое нам предстояло вскоре миновать, или про брошенные вагонные составы.

Всё это вместе — небо, хмурая погода, морозящий проливной дождь, треск дозиметра и тёмные от сырости строения и кучи мусора — очень отрицательно действовало на психику. И угнетающе на настроение. Хотелось плюнуть на всё и вернуться в бар, в тепло, где есть еда и тебе ничего не угрожает.

Но делать было нечего — нужно было идти вперёд — вывести целыми двух туристов и отработать деньги. Это я так сказал, что не буду горевать, если вдруг мои ведомые погибнут. Плакать, как я изначально выразился, конечно, не буду, но осадок на сердце у меня останется. Грустно будет потом осознавать, что не уберёг людей, причём не в самом опасном месте Зоны. Свалка, Кордон — это уже почти что Большая земля, мир без аномалий, монстров, постоянных опасений за свою жизнь и прочего дерьма, которого в Зоне в течение каждого рейда собираешь море. Эх, на хрен я вообще сюда припёрся?.. Дураком был, грех говорить молодым — полгода всего прошло. Просто дураком. Не осознавал, что там, за Периметром, у меня была настоящая жизнь. Сбежал сюда от монотонности дней, однообразия и рутины и расплатился за глупость.

Вставание рано утром с матами и зубовным скрежетом — стояние в пробках — работа/учёба (соответственно, опять терпеть этих нудных сослуживцев с их рассказами «как я провёл эти выходные» или обсуждение форм новой сотрудницы; иногда очень хочется врезать этим сослуживцам по наглой, слошавой роже). Снова стояние в пробках — телевизор, комп, виртуальные собеседники.... Опять утро, работа... Может, я, конечно,

большой пессимист, но именно так я и вспоминаю жизнь, которая у меня была буквально полгода назад. Однообразные будни можно разбавить событиями, ну никак не вписывавшимися в обычные серые рабочие дни. Это, например, может быть празднование дня рождения одного из друзей, покупка и обкатка новой машины, отдых на море, знакомство с новой девушкой, для женщин — с парнем.... Если не так много денег, можно в выходные выезжать на природу (но не в одно место, иначе отдых вскоре тоже перестанет радовать) — сегодня на пляж, завтра в лес, в следующую субботу — снять домик где-нибудь за городом. Зимой — лыжи. Конечно, в рабочие дни такого нельзя себе позволить, но по вечерам можно начать совершенствовать навыки игры на гитаре, начать писать художественную прозу, стихи.... Почитать, в конце концов. А ещё лучше задаться целью — например, накопить денег, чтобы провести отпуск в Альпах. Если человек будет знать, что впереди его ждёт какое-то яркое событие, то и обычные будни не будут казаться такими уж и монотонными, они будут проживаться радостнее, что ли.

Ко всем этим мыслям я пришёл уже здесь, в Зоне. И тогда я понял, что сделал свою жизнь ещё монотонней, когда пришёл на Проклятую Землю, — в Зоне всё зависит не от человека — здесь не он хозяин жизни, всё зависит от обстоятельств; за Периметром никогда ваши планы не будут выполнены точь-в-точь по задумке. А я, когда уходил сюда, думал, что в Зоне — совсем не так, как в городе: одно многообразие, неповторимое чувство опасности.... Но здесь — точно так же, как и за Периметром — та же рутина, только в два раза рутинней. Спросите: а как же выйти из этой дерьмовой ситуации? А нужно разнообразить свою жизнь самому, не ждать, что кто-то вас осчастливит — обществу человек не нужен. Хотя... это как посмотреть.... В качестве дойной коровы — впаривать всякую ненужную фигню вроде «офигенно-крутых-новомодных» Айфонов и качать с людей за эту, мягко говоря, не очень-то и нужную лажу деньги. Это пожалуйста!

Что? В Зоне не однообразие?.. Ладно, вот классический вариант ходки: с утра позавтракав сухпайком или консервами (при одном уже взгляде на которые ужин просится обратно), отправляетесь в дорогу. Как и водится, она потрескавшаяся и серая что ваше настроение, вся напичкана аномалиями. Испытываете постоянное эмоциональное напряжение от мысли, что сейчас вам встретится мутант, и нужно будет снова, в сотый раз отстаивать свою жизнь. Иногда даже эти тревожные мысли и опасения перерастают в паранойю. Страх, что во время боя автомат заклинит, пистолет зацепится за комбез... И всё! Но на пути у вас всего лишь разляжется слепыш, которого вы спугнёте одиночным выстрелом, или плоть выскочит из-за кустов и, что-нибудь воинственно крикнув, храбро бросится на вас, но тут и останется, став завтраком для падальщиков. Поползав сутки брюхом в грязи, и найдя какой-нибудь паршивый «выверт», «медузу» и «кровь камня», вы со словами «как же я ненавижу тебя, сука Зона» идёте к торговцу. Где ждут унижения и мольбы о взятии хабара по умеренной цене. Вы надеетесь пожить так годика два, потерпеть, заработать на шикарную жизнь и уйти из Зоны навсегда. Но постоянные траты боеприпасов на тех же плотей, ремонт бронжилета, пьянства с приятелями (чтобы забыться и не думать о том, что вас ждёт завтра — удача, то же однообразие или гибель) отнимают много денег — больше, чем вы рассчитывали потратить с выручки за артефакты, собранные в ходке. И, таким образом, через два года вы держите в руках какие-нибудь несчастные сто тысяч (несчастные, потому что ожидали в десятки раз больше), и на следующий день снова идёте в ходку. Тьфу! Вот оно, это свойство неба, — мрачные философские рассуждения.

Я отогнал от себя негативные думы и сосредоточился на дороге.

Странно... Почему-то на пути слишком много аномалий — иногда приходится уходить с асфальтированной дороги и идти, оскальзываясь, по раскисшей от дождей грязи, по глиняному месиву. Словно не по Свалке, а по Милитари идёшь...

— Проводник. — Голос Димона прогремел для меня словно раскат грома. — А нельзя как-нибудь другой дорогой пойти? С менее радиоактивным фоном.

— Кир, — окликнул я замыкающего, — пни, пожалуйста, впереди тебя идущего под зад.

— Э-э!! — тут же возмущённо вскрикнул турист, — у меня есть права, вы не смеете...

— Ты пасть закрой, пожалуйста. — Я остановился и исподлобья взглянул на очкарика. — Если я веду вас этой дорогой, где дозиметр трещит, значит, другого пути нет! Что непонятного?! Я просил вас не задавать дурацких вопросов! А молча идти за мной! Если я взялся за дело, я добросовестно доведу его до конца! — и снова зашагал вперёд, оставив Дмитрия и Кира в полном недоумении.

Сам не ожидал, что буду так истерить, но против Зоны не попрёшь. Ох уж эта унылая Свалка...

* * *

За последующий час мы преодолели девятьсот метров, наполненных аномалиями. По меркам Большой земли данное расстояние за такой период времени — всего, а по меркам Зоны — целых девятьсот.

Вдруг на фоне шума дождя я различил новый звук.

Я остановился и прислушался, жестом приказывая ведомым и Киру не шуметь. Звук этот был похож на нарастающий гул и приближался он со стороны... Кордона! Ёшкин кот! Это же рокот вертушки! Это военные, потому что ни у кого в Зоне больше нет винтокрылых машин. Но если рассуждать логически, то этого просто не может быть — обычно в это время военные и миротворцы бросают все свои силы и технику на борьбу с гоном, который к этому моменту добрался бы до Периметра. Там каждый вертолёт, каждый солдат и автомат — большая ценность, шанс отбиться от волны мутантов. Не стали бы вояки так расточаться — отпускать целый вертолёт! И зачем?! Не прошёл бы совсем недавно выброс, можно было бы ещё предположить, что военным нужно забрать или помочь группе военных сталкеров или учёных, с какой-нибудь важной миссией отправившихся сюда. Но после выброса и гона, думаю, там забирать уже нечего было бы, а если те и выжили, то тем более не прямо сейчас. В общем, вертолёт здесь и сейчас — не услышал бы сам, ни за что бы не поверил! Может, он зачищает «хвост» гона? Да нет, вряд ли — волна мутантов равномерно рассредотачивается по длине всей «колючки» и никого «хвоста» там нет. Может, это и не вертолёт вовсе, а какой-нибудь мутант-притворщик. Слышал он когда-нибудь рокот вертушки и теперь воспроизводит. Хотелось бы надеяться на последнее. Правда, о притворщиках и их возможности подражать абсолютно любым звукам я слышал только в баре от пьяных вольных бродяг, сам с этими порождениями Зоны никогда не встречался. Потому нельзя со стопроцентной уверенностью утверждать, что такие мутанты существуют. Но отвергать возможность их существования тоже не рекомендуется.

Все эти размышления пронесли у меня в голове буквально за секунды три, а после я стал лихорадочно прикидывать, куда бы спрятаться, чтобы не быть расстрелянным военными.

Грязных луж нигде не было. Скопления воды на асфальте — не в счёт. Правда, даже если бы и были большие лужи, такие меры конспирации нужно применять, если уж совсем нет укрытий. Я осмотрелся. И после осмотра местности в груди у меня ёкнуло: вокруг и вправду не было подходящих мест, которые могли бы послужить нам достойным укрытием от взора военных. Ни-че-го! Слева, метрах в пятидесяти от края асфальтированной дороги, — огромная радиоактивная куча мусора, из которой торчал остов старого холодильника «Бирюса», ручной стиральной машинки и под углом градусов в двадцать стоял «Москвич», некогда бывший оранжевым. От сталкеров в баре я слышал, что если подойти очень близко к такому скопищу советского заражённого хлама и тем более встать на него, то человека затянет, словно в зыбучие пески. Опять же не знаю — правда или вымысел, но физик из меня никакой — нет тяги к экспериментам. Да и фон возле этой горы мусора — около шестисот-семисот рентген в час. Лучше пусть военные с пулемётов расстреляют — зато быстро и без мучений, чем я на эту гору полезу, пусть хоть на пять минут. И потом испытывать мученическую смерть от большой дозы радиации. В общем, не годится под безопасное укрытие эта гряда советского хлама, фoniaщая что ЧАЭС после взрыва.

Справа вообще ничего не было, голое пространство. Только метров через двести от края дороги из земли выростала похожая на вышеупомянутую гора мусора.

Слева, метрах в четырёхстах от нас, находилось кладбище старой техники. Очень удобно бы сейчас спрятаться там в салоне какого-нибудь старого автобуса. Фоново на кладбище, кстати, тоже прилично — рентген сто пятьдесят, наверное, — но это всяко меньше, чем возле радиоактивных куч советского хлама. Глоток водочки точно выведет из организма набранную там за пару минут дозу. Вряд ли дольше — сомневаюсь, что вояки будут здесь высаживаться. Но, к несчастью, добежать до кладбища мы при любом раскладе не успевали. Оставалось что?.. Ровным счётом ничего. Однако всё же глупо было стоять на месте, ожидая своей участи, потому я решил хотя бы попытаться успеть добежать до кладбища техники.

Но судьба, как нарочно, сегодня повернулась к нам своим самым неприличным местом — когда мы пробежали всего метров сто, из-за деревьев со стороны Кордона показался МИ-8. И тогда меня охватила настоящая паника вкупе с отчаянием. Как же так?! Бродить по Зоне полгода, лежать в грязи по два часа, чтобы тебя не заметил псевдогигант, бродящий неподалёку. Я уж не говорю про то, какое чувство безысходности я испытывал, когда меня гоняла по Кордону группа мародёров три месяца назад. Про страх, который я ощущал, когда слышал за спиной утробное рычание псевдособаки, как бежал от неё, рискуя влететь в аномалию, потому что в магазине автомата не осталось ни одного патрона. И ради чего всё это было пережито? Чтобы вот так глупо помереть от пуль военных?!

Винтокрылая машина летела на высоте приблизительно двухсот семидесяти метров, ствол крупнокалиберного пулемёта, выглядывающий из-под брюха вертолёт, не обнадеживал на спасение. Я корил себя, что повёл отряд именно этой дорогой — есть же дорога через ангар, кладбище старой техники, и там и там можно было бы сейчас укрыться. Но в ангаре том частенько затаиваются мародёры, подкарауливая одиноких сталкеров, проходящих мимо. Нас четверо, но кто знает, что может взбрести в голову укуренным уголовникам... Блин, лучше бы той дорогой пошли, приняли бы потом антирада — и все живы, здоровы. Но всего же тоже не предугадаешь...

Я попытался укрыться за стволом чёрного, как смола, убитого радиацией дерева. Велел ведомым сделать то же. Но куда там — вертолёт застал нас врасплох и дерево в качестве укрытия, мягко говоря, не самая удачная идея.

Когда МИ-8 пролетал над нами, он вдруг отклонился в бок и повернулся к нам своей отвратительной железной мордой. Я направил ствол АКСУ в кабину, в то место, где угадывался силуэт пилота, но стрелять не стал — во-первых, стекло наверняка бронебойное. А во-вторых, всё-таки у меня в душе теплилась надежда, что вояки не будут в нас стрелять, а просто возьмут на борт и сдадут полиции за периметром. Там на нас повесят как минимум две статьи — незаконное проникновение на закрытый объект и незаконное ношение оружие, которого у нас очень много. Всё-таки отсидеть лет десять-пятнадцать за решёткой — лучше, чем подыхать сейчас как собаке. Собакам, прошу прощения. Вдруг командование прижучило военных — мол, постоянно происходит незаконный транспорт артефактов через периметр, проникновения на охраняемую территорию — дыры в колючей проволоке, являющейся ограждением периметра, яркое тому подтверждение. А вы никого не ловите! Плохо! Вот и решили вояки восполнить, так сказать, пробел — поймать парочку нелегалов и дальше отдыхать — мол, мы свою работу делаем. Но что-то очень эта гипотеза мне кажется сомнительной — неподходящее время для отлова нелегалов — сразу после выброса.

И даже когда в вертолёте что-то загудело, и стволы пулемётов направились аккуратно на нас, я ещё надеялся, что военные всего лишь пугают, чтобы нас было легче взять уже испуганных до дрожи в коленках. Чёрт! Как же не хочется умирать! Я ведь ещё не воплотил все свои мечты в жизнь!..

Почему-то военные не стреляли. Чего они ждут? Эх, сюда бы сейчас РПГ с одной ракетой...

— Кекль, — неожиданно обратился ко мне Кир.

— Что, дружище? — Я думал, что сейчас он будет говорить, как он меня любит (как человека, естественно), что я единственный, кто его понимал и...

— У тебя, случаем, не завалялся в рюкзаке РПГ? — Он пытался шутить, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Глупо всё же помирать в гробовом молчании, думая, как много дел ты не успел сделать.

— Ты читаешь мои мысли. — Я через силу улыбнулся. — А не знаешь, не слишком ли больно умирать от пуль двенадцатого калибра?

Что ж, не собаки же мы, в самом деле, чтобы покорно ждать своей участи!.. Нужно оказать хоть какое-то сопротивление, хотя бы попытаться... Как только я собрался расчертить длинной очередью лобовое стекло вертушки, вдруг случилось невероятное!!! От земли к вертолёту с оглушительным треском протянулась очень длинная, тонкая, зигзагообразная линия. Она была настолько яркой, что я на некоторое время ослеп и потому не совсем хорошо видел, как «молния» (очень уж линия была похожа на это природное явление) насквозь прошила вертолёт и, выйдя из него в районе лопастей, попутно сорвав их, исчезла. В брюхе вертушки образовалась огромная дыра, лопасти с хрустом сломались и их обломки, со свистом рассекая воздух, воткнулись в землю — самая ближняя в десяти метрах от меня. Вертолёт, испуская клубы чёрного дыма, камнем упал на землю и взорвался. Ударная волна от взрыва добралась до нас, опрокинула всех четверых.

Пока я приходил в себя, думал: такого просто не может быть! Даже в Зоне такой фигни не бывает! Судя по звуку, с которым «молния» устремилась к вертолёту, это была «электра». Но не бывает таких огромных «электр»! Я ни разу не слышал о таких огромных аномалиях! Хотя есть такая присказка (про неё вспоминают, когда не могут объяснить какое-то явление): «В Зоне возможно всё». Опираясь на неё, можно предположить, что аномалия, продырявившая вертолёт, это огромная «электра»... Ладно, потом над этим подумаю —

сейчас неудачное время. В ушах у меня стоял шум от взрыва, струи дождя хлестали по лицу. Я сел, постанывая, и помассировал ухо. Вроде слышать стал лучше, но шум в ушах остался. Потрогал пальцами ухо и посмотрел на руку — крови нет, значит, и контузии тоже.

Я вытер дождевую воду с лица, подхватил за ремень с земли АКСУ, выпавший из рук во время моего падения. Посмотрел на искорёженный взрывом вертолёт. Он выглядел так, словно его помял в руках огромный великан, пытаюсь скатать из вертушки шарик, как из пластилина. Разбитый вертолёт продолжал гореть, одно из стёкол с громким треском лопнуло (и как при взрыве не разбилось?). Да, конечно, после такого никто внутри выжить не мог. Соответственно, оборудование тоже не уцелело. А жаль — вдруг там были современные армейские детекторы, оружие хорошее, в конце концов, которое можно недёшево продать торговцам.

Вдруг в поле моего зрения появился Кир. Сталкер боком, маленькими шажками приближался к вертолёту, занеся руку с зажатым между пальцами болтом назад. Не доходя до разбитой вертушки метров тридцать, он остановился и кинул болт в то место, откуда приблизительно появилась «молния». Болт преодолел воздушное пространство без особых эксцессов и целым да невредимым упал на землю. Кир недоумённо потряс головой, достал из кармана второй болт и кинул его чуть дальше, чем первый. Опять ничего. Сталкер достал третий болт и кинул его чуть правее, чем первый. Никаких аномальных образований там не было. Кир развернулся, обведя взглядом меня и туристов. На его лице читалось изумление. Увидев, что я пристально на него смотрю, приятель спросил, разведя руки в стороны:

— Ты что-нибудь понимаешь? — и указал рукой на горящий вертолёт.

— Нет. — Я поднялся и задумчиво уставился в то место, где, по идее, должна быть огромная «электра». Да как так-то? Такого не может быть даже в Зоне! Допустим, аномалия была здесь уже тогда, когда мы приближались к ней, допустим, детектор её не показал. Опустим даже то обстоятельство, что «электра» сработала как таймер, хотя это и есть самая большая странность. Можно ещё предположить, что она, поймав вертолёт, разрядилась на него и исчезла — в «электре» закончились запасы энергии. Но где же артефакт?! Его просто не может не быть! Огромная «вспышка» должна «родиться» от такой «электры». Насколько я знаю, аномалии работают примерно так: у каждой есть определённые запасы невосполнимой энергии и, каждый раз разряжаясь, аномалия выбрасывает часть её, можно сказать, — часть своего заряда. Если в аномалию попадает какая-то органика (только!), она высасывает из жертвы все энергетические ресурсы. И последний этап формирования артефактов: когда аномалия разрядится раз, не знаю, пять-шесть, то её энергия иссякает, она собирает в пока ещё не сформированный и не материальный комок все высосанные из пойманных жертв «соки» (притом добавляет в него совсем малую часть своей энергии) и, исчезая, оставляет вместо себя этот комок — артефакт. Примерно так. Если хотите узнать подробнее — идите на Янтарь в бункер учёных и задайте этот вопрос любому научному сотруднику. И вас ждёт долгая, незабываемая лекция про то, какой же интересный феномен для исследования — Зона. И что ни в коем случае нельзя её уничтожать, а нужно исследовать, с её помощью наука продвинется далеко вперёд. Следуя этой логике, напрашивается вопрос: где же в таком случае артефакт? Весом в три килограмма, если не в пять. Ау-у-у! Не вижу!

— Блин, это фигня какая-то! — разочарованно сказал Кир, швырнув болт над вертолётном. — Где арт? — Видимо, он думал о том же, о чём и я. — Прикинь, сколько бы он стоил...

— Да-а, обидно, однако! — Мне действительно было обидно, хоть и не за деньгами я сюда пришёл. Но, как говорится, они никогда не бывают лишними.

— Да ни хрена не обидно! — Мой приятель был оптимистом. — Главное, живы остались! Я уж думал, всё — капец пришёл! — Сталкер сделал обход в радиусе метров пятидесяти вокруг вертолётки — надеялся всё же ещё найти «вспышку». — Знаешь, даже если бы артефакт лежал в салоне вертушки, то я бы туда ни за что не полез. Всё-таки жизнь одна, а артефакты будут всё время появляться.

— Ну да, — согласно кивнул я. Затем развернулся и посмотрел на туристов. Татьяна сидит и мелко трясётся — это от страха, ничего, пройдёт! Вообще по сравнению с утром, нынешний вид девушки был довольно жалок: волосы слиплись и лежали не ровно, а были всклокочены; на лице застыли грязные потёки. Это тоже ничего, вернётся к себе в город и в салон красоты сходит.

Дмитрий сидел на заднице, обхватив руками колени перед собой и смотря в сторону разбитой вертушки. Он смотрел с прищуром, зрачки его были широкие, и что-то мне показалось в них необычным...

— Кекль! Слышишь меня?! — Кир стоял рядом и тряс меня за плечо.

— А?

— Говорю: пойдём, чего здесь рассиживаться, все в норме, да? — Он вопросительно посмотрел на туристов.

Дмитрий закивал, встал с земли и взял в руки обрез. Взгляд его стал обычным — немного сумасшедшим, наглым и чрезмерно любопытным.

— Давай, я поведу отряд, лады? — спросил Кир. — А то ты их и так уже столько ведёшь, а мне нужно отрабатывать свою долю.

— Веди, — согласился я.

Когда наш отряд оказался у КПП — границе Кордона и Свалки, дождь стал меньше — теперь он накрапывал каплями. Мой наставник рассказывал мне, что это КПП построили военные сразу после образования Зоны — хотели не допускать проникновения на закрытую территорию нелегалов (тогда Периметр был совсем недалеко отсюда), а если всё же проникнут — задерживать. Заодно и не позволять мутантам властвовать. Но первые две недели были для вояк настоящим адом — мутанты постоянно пёрли на них, большие группы искателей наживы с боем пытались пробиться через КПП — конечно, ничего у них не получилось — попробуй навоюй много с двустволками и Макарами против «калашей» и пулемётов. Однако военные, несмотря на победы над порождениями Зоны и искателями наживы, несли ощутимые потери. Последней каплей стало организованное нападение на КПП большого отряда отморозков (гопники хотели завладеть боевой техникой, оружием и амуницией) — сейчас в Зоне их называют мародёрами и бандитами. Естественно, вояки отбились, но потеряли больше половины своих солдат. Ценой многочисленных человеческих жертв убедившись, что оно того не стоит и против Зоны не попрёшь, военные свернули удочки и убрались за периметр. С тех пор КПП и пустует. Он состоит из наблюдательной вышки, домика, где должны были отдыхать солдаты после дежурной смены, высокого бетонного забора, ворот, полосатого шлагбаума со знаком «STOP». Ещё перед воротами стоит наполовину разобранный КАМАЗ. Раньше здесь частенько заседали мародёры — караулили проходящих мимо сталкеров — сядет один на вышку с автоматом или винтовкой, ПДА отключит и затаится. И не увидишь его. Идёт мимо вольный ходок — лёгкая мишень для бандита с вышки. Но два раза сталкеры сбивались в большие группы и мстили мародёрам за убийства братьев. После первой такой мести бандиты снова пришли сюда, они даже не успели никого убить, просто мимо шёл квад «Долга»... С тех пор мародёры и близко к КПП не подходят, оно пустует, лишь изредка здесь в домике ночуют сталкеры.

Мы заходили в домик, когда я услышал одиночный выстрел — то ли из «калаша», то ли из «Абакана» — большой разницы нет. А через секунд десять у нас с Киrom одновременно пискнули ПДА — общая сетевая рассылка. Это либо предупреждение о скором выбросе (невозможно, так как он был совсем недавно), либо некролог о чьей-то гибели. Я снял с запястья карманный компьютер и прочитал пришедшее сообщение: «Сталкер Моряк, Кордон, огнестрельное ранение. 17:23». Я посмотрел на часы в углу экрана — 17:23. Вашу ж мать! Сопоставив недавний выстрел и некролог, мне всё стало более чем понятно. И так же я уверился, что это точно Рейсер отстреливает новичков. Во-первых, у него «Абакан», а недавний выстрел был сделан именно из автомата этой системы. Во-вторых, стреляли сейчас совсем близко, а значит, это почти что территория Свалки — именно там Рейсер убил предыдущих трёх новичков. Сволочь, чего сказать! Ну держись, урод моральный! В очередной раз прочитав некролог, мне показалось, что я уже где-то слышал про человека по прозвищу Моряк, а возможно, даже и встречался с ним...

* * *

Огонь с аппетитом поедал сухую древесину, напityвая маленькое помещенье

вожделенным теплом. На гвоздике возле входа сушилась мокрая чуть ли не насквозь одежда: куртка, разгруз и защитный костюм. Сам я сидел по-турецки на полу возле костра, одетый в одну рубашку, брезентовые штаны и носки. Ботинки стояли близко к костру, так как были, пожалуй, самой мокрой деталью из всей моей одежды. Отсюда почти не было слышно шума ливня, начавшегося неожиданно и заставшего меня врасплох посреди Тёмной Долины, когда я как раз искал место для ночлега. Я уж пожалел, что не ношу зонтика. Пока добрался до бывшей пожарной станции, где ранее дислоцировалась банда бандитов под предводительством Борова, весь продрог и промок. Опасаться здесь мне было нечего — это, пожалуй, самое надёжное и безопасное место для ночлега. По крайней мере, в Долине. Во-первых, станция находится вдалеке от болот, где обитает единственный постоянный здесь вид мутантов: ластоногие ведьмы и болотные бюеры. Последние отличаются от своих сухопутных собратьев тем, что меньше по размеру и ещё более уродливые. Раньше мне казалось, что быть страшнее и вонючее маленького карлика, живущего в подземельях и питающегося мертвечиной, более не способно ни одно порождение Зоны. А ведь ошибался...

Во-вторых, облюбованное мною помещение маленькое — соответственно, быстро согревается, в-третьих, здесь нет окна, и имеется маленький узкий вход — значит, пролезть сюда проблема для любого существа. Соседние помещения в здании — то имеют большие окна без стёкол, то вообще над ними нет крыши.

И, наконец, в-четвёртых, комнатка находится далеко от входа, а значит, даже если кто-то из мутантов будет следовать мимо, то не увидит и даже не учует меня.

Я встал и подбросил в пламя ещё несколько досок — пришлось разобрать на дрова лежавший в комнате диван, когда я сюда пришёл. Огонь не заставил себя уговаривать различными мероприятиями вроде бросания в него газет и быстро объял пламенем сухую древесину.

Я уселся на матрас, который нашёл в соседнем помещении и на который постелил ещё свою клеёнку — чтобы не замараться. Снял с запястья ПДА и зашёл в Сеть, чтобы прочитать последние новости. Так, до выброса, как здесь написано, ещё пять дней, значит, нужно подыскивать укрытие уже через денька три-четыре.

Некрологов за сегодняшний день не было — уже хорошо. На форуме активно обсуждают внезапный ливень. Это действительно странно: в Зоне всегда дожди — морозящие, небольшие, но долгие. А здесь такой тропический ливень. Ладно, главное, что у меня теперь есть надёжная крыша над головой, еда и тепло. Кстати, о еде — нужно бы подкрепиться и заодно подлечиться да окончательно согреться изнутри. Я подтянул к себе за лямку рюкзак, раскрыл его и вытащил булку белого хлеба, полпалки «Докторской», банку с говядиной, термос и нож. Всё это положил на расстеленную на полу газету, завязал рюкзак и уже хотел было приступить к трапезе, как услышал новый звук на фоне шума дождя. Отложил в сторону колбасу и прислушался, беря с пола АКСУ. Звук напоминал хруст щебёнки, осколков кирпичей. Кто-то вошёл в здание! В стене недалеко от входа есть огромная дыра — то ли на машине въезжали, то ли заряд закладывали. Мне с самого начала не нравился тот факт, что в здании имеется такая огромная дыра, увидев которую, любой зверь не повременит зайти внутрь. Хотя она довольно далеко от помещения, где я сейчас находился, но всё же если войти через неё в холл здания, пройти чуть вперёд и посмотреть налево, в коридор, по бокам которого были входы в комнаты — мою и соседнюю — можно увидеть на левой стене свет от костра, просачивающийся через дверной проём. Двери, чтобы его

закрывать, к сожалению, давно нет, а если навесить мою мокрую одежду, всё равно она не закроет собой вход. В общем, пожалуй, это единственный минус моего сегодняшнего места ночлега на фоне четырёх плюсов.

Кто-то определённо шёл ко мне — хруст ломающихся, отсыревших за двадцать шесть лет кирпичей становился всё громче. Затем ночной гость внезапно остановился — скорее всего, увидел свет от костра на левой стене коридора. Потом звуки снова возобновились, но теперь шаги незнакомца были тише и легче. Однако даже при таком темпе в них чувствовалась какая-то ритмия, словно незваный гость плясал на горячих углях.

Я приблизился к стене слева от входа, чтобы если незнакомец вдруг решит выстрелить внутрь комнаты, меня не задело. Правда, сомневаюсь, что он будет сходу так палить — не мародёр, потому что у бандюков есть такая привычка: рассуждать вслух, причём на жаргоне. То есть если бы это был мародёр, то он бы сейчас сетовал, какая, мол, плохая нынче погода. Я посмотрел на экран ПДА в режиме детектора жизненных форм. Да, вот он этот незнакомец, по размерам — человек. Затем я перевёл карманный персональный компьютер в режим ПДА — отметки незваного гостя не было. Но это ещё ничего не значит — может, аккумулятор разрядился, а запасного нет. Или просто отключил наладонник, потому что боится, что его кто-нибудь увидит. Но я всё-таки сомневался относительно «человечности» визитёра. Человек не человек, однако, явно кто-то тяжёлый, раз так шумит. Если это мутант — то, как минимум кровосос, хотя они в Долине не водятся. Это мог быть ещё излом — на него это очень похоже — подойти к одинокому бродяге и попросить или еды, или аптечку. И когда сталкер потянется за рюкзаком, чтобы достать оттуда то, что попросил мутант, тот вытащит свою гипертрофированную конечность из-под плаща и снесёт наивному ходоку голову. Правда, изломы обитают только в районе Радара, Припяти и ЧАЭС. Ладно, сейчас узнаем, кто это.

Вскоре ночной визитёр осторожно приблизился к комнате и встал напротив меня. Через стену я слышал его тяжёлое дыхание — по идее, как-то похоже дышат мутанты, но явно не так — более натужно, что ли. Так мы играли в молчанку с минуту. Наконец, мне надоела эта неопределённость, и я сказал:

— Назовись! — Если человек, обязательно назовётся.

— Звуки за стеной мгновенно стихли, раздался какой-то совсем тихий стук, и затем сбивчивый голос сказал:

— Не стреляйте, пожалуйста! Я мимо шёл, в дом зашёл, чтобы подсушиться да переночевать. Свет увидел и решил попроситься к костру.

— Я попросил тебя назваться! — Для пущего эффекта я дослал новый патрон в патронник.

— Я... я... новичок. Иван меня зовут.

— А-а, новичок...

Понятно тогда, почему у него нет отметки ПДА — видимо, сам компьютер ещё не приобрёл.

— Да, новичок, — снова повторил мой тёзка. — Извините, а вы не пустите меня погреться у костра? Я немного посижу и пойду.

Пустить незнакомого человека к себе на ночлег? Нет, если пущу, то уж не на время, а на всю ночь — я ж не сволочь какая — парня выгонять под ливень. Но проблема в том, что я ведь его даже не знаю. Однако, судя по всему, он действительно новичок. Значит, стоит пустить, а то выгоню я его сейчас, а он и погибнет. И самому потом с камнем на сердце

ходить и мужики, если узнают, презирать начнут. В конце концов, мне же не жалко местечка для него, костра на всех хватит. Да и в компании всё же веселей.

— Ладно, иди сюда, — разрешил я, но сразу же внёс небольшие коррективы: — Только оружие мне под ноги кинь, если будешь в руках держать — пристрелю.

В свет костра передо мной вышел молодой парень. Типичный новичок: испуганный, но заинтересованный взгляд, кожаная куртка, тощий рюкзак за спиной, на вооружении — обрез и ПМ, карманы куртки чем-то туго набиты — не то патронами, не то детекторами плохонькими, не то болтами. Это образ среднестатистического сталкера-новичка, а у этого была ещё одна особенность: он был мокрым до последней нитки, дождевая вода маленькими ручейками стекала с его одежды.

Он, держа обрез за ремень, кинул его к моим ногам. Затем снял кобуру с пистолетом и отправил туда же.

— Хорошо. — Я продолжал держать ночного гостя на прицеле. Я понял, что это был за тихий дробный стук — это у Ивана зубы стучали — до того продрог. Теперь я точно уверился, что это никакой не излом, а обычный испуганный, замёрзший и голодный человек. — Заходи. — Я опустил АКСУ и повесил автомат на плечо. Затем сел на матрас и пригласил гостя сушиться — повесить одежду на крючок у входа и присаживаться к костру.

Иван ради приличия медленно забрёл в помещение, но по нему было заметно, что он весь дрожит и вожделенно смотрит на огонь.

Спешно раздевшись и оставшись в одних штанах и носках, новичок буквально подбежал к огню, подставил поближе к пламени ботинки и уселся рядом со мной на матрас.

Я налил в пластиковый стакан горячего чая и протянул ёмкость Ивану. Тот дрожащими руками принял стаканчик, сделал два небольших судорожных глотка и стал греть об стакан с горячим чаем руки.

— Ну, Иван, как ты здесь оказался-то? Это довольно-таки далеко от периметра.

— Я до блокпоста «Долга» дошёл со сталкером. Мы с ним вышли. Из деревни. Не Кордоне. — Он говорил короткими предложениями и после каждого делал паузу, потому что у него от озноба сильно стучали зубы. Но уже меньше, чем когда он стоял через стену от меня. — Я пошёл сюда, а он в какой-то бар.

— А чего он не взял тебя в ученики?

— Кто?

— Сталкер тот, который с Кордона.

— Не знаю-ю.

— Понятно... А прозвище-то у тебя есть? — Попутно я нарезал колбасу и хлеб, чтобы поужинать.

— Дали, да. Матрос.

— Почему Матрос?

— В ВМФ служил, — коротко ответил Иван, заморожено смотря на колбасу и банку тушёнки.

* * *

Вот Рейсер гнида! Ну ничего, шакал позорный, я тебя как вшивую псину пристрелю. Было бы время — сдал бы «долговцам», казнили бы тебя прилюдно — и другим урок и все

бы узнали, какая ты крыса поганая. А так придётся разбираться самому.

Я взял АКСУ на изготовку и выглянул из-за забора. Метрах в трёхстах впереди я увидел две человеческие фигуры. Один из людей без единого движения лежал на земле, а второй, склонившись над первым, обшаривал его карманы. Рейсер! Вот урод поганый! Главное, новичков только отстреливает. Потому что за них, так скажем, никто не впряжётся, а убей он обычного вольного бродягу вроде меня, сталкеры собрали бы карательный отряд и вычислили бы его после второго же убийства. Кривой ты дорожкой пошёл, Рейсер, мокрой, скользкой и грязной. И дорога эта в один конец.

Я велел ведомым оставаться на КПП в домике и, выключив ПДА, дабы Рейсер не засё мой сигнал, сам стал под прикрытием деревьев — благо на них была густая листва — подбираться ближе к мародёру. Внутри меня кипела ненависть и злоба, но приходилось сдерживать себя.

Выйдя из-за забора, пройдя с десяток метров и вскоре услышав позади лёгкие шаги, я моментально обернулся. Отбой тревоги, это всего лишь Кир. Приятель заметил мой полный удивления взгляд и расслабленным движением махнул рукой назад: мол, ничего не случится с этими двумя уже запуганными (это хорошо, не будут лезть во все щели — догадываются, чем может закончиться их любопытство) туристами в доме, стены которого ограничивают их передвижения.

Я кивнул, снова сосредоточил всё своё внимание на поставленной задаче и перебежал от забора к дереву с широким стволом. Выглянул из-за него. Мародёр ничего не заподозрил. Присмотрев впереди чуть левее широкий кустарник, я кинулся к нему. Оказавшись там, не преминул отметить, что мне повезло. Травы на земле было мало, что не создавало дополнительных шумов при моих передвижениях.

Теперь между мной и бывшим сталкером было расстояние метров в двести, может, чуть меньше. До следующего дерева-укрытия было целых сто, на которых вполне могли притаиться аномалии. И растительности как назло вплоть до того разлапистого дерева не было. Хоть бы кустик какой рос — тогда я бы точно знал, что в том районе нет аномалий. А в кустах и возле деревьев их никогда не было. И детектор аномалий нельзя использовать — включу ПДА — Рейсер увидит мой сигнал и не пожалует одного рожка... Болт может выдать нас шумным падением. Тупиковая ситуация.

Я повернулся к Киру и спросил его мнение относительно безопасности пути до дерева.

Приятель жестом дал понять, что ничего не видит. Я снова осмотрел пространство до дерева. В общем-то, вроде никаких искажений воздуха не видно, так же на земле не было фрагментов разорванных тел — верный признак присутствия «трамплина». Всё-таки это Кордон, здесь и должно быть мало аномалий. Я осторожно двинулся вперёд.

Эти сто метров мы преодолели удачно. Оказавшись за толстым стволом, я поднял АКСУ и высунул его из-за дерева, направив на Рейсера. Тот, видимо, уже заканчивал свои мародёрства, поскольку упихивал вещи в рюкзак компактней. Мной завладела немислимая злоба, и я, не отдавая себе отчёта в действиях, прицелился бывшему сталкеру в плечо и дал одиночный выстрел. Здоровяк, получив пулю, вскрикнул, зажал рану и мешком повалился на землю. Я в два прыжка оказался возле него и пнул подальше «Абакан», до которого мародёр попытался дотянуться здоровой рукой.

— Здорово, сука жадная, давно не виделись. — Я приставил ствол автомата к груди Рейсера и кровожадно оскалился.

Мародёр захрипел — то ли от боли, то ли от злобы, и с ненавистью посмотрел на меня.

— А, козлина уродская. Жалко, что я тебя, пиздёныша, не урыл тогда...

— Взаимно, — с ухмылкой сказал я, пнув здоровяка по раненой руке.

Тот взвыл и процедил сквозь зубы порцию отборных матов в мой адрес.

— Пасть закрой, животное! — Из-за дерева вышел Кир, держа мародёра на прицеле своей «Гадюки».

— Б...дь! — выругался Рейсер, увидев, что я не один. Соппротивление он собирался оказать, что ли?

— Твоя мать! — На лице Кира играли желваки, губы плотно сжаты, смотрит с нехорошим прищуром. Видимо, он хорошо рассвирепел, узнав, что новичков отстреливал Рейсер — бывший СТАЛКЕР! Каждый вольный ходок, ходящий за артефактами в Зону, приносящий их и сдающий торговцам, — состоит в сталкерском братстве. Это не какая-то группировка, нет. Частичка Братства в душе у каждого сталкера. Не зря мы, вольные бродяги, иногда обращаемся друг к другу словом «брат». И мы считали своим братом эту гниду, падаль! Что заставило его встать на путь материальный? Миротворец мне представлял его как нормального мужика, со своими причудами — вспыльчивостью и мнительностью, но всё же, как честного трудягу. Мне кажется, его сломала Зона — это своего рода территория, где люди становятся такими, какие они есть на самом деле. Можно притворяться хорошеньким — ходить каждый день на работу, терпеть унижения начальства и расшаркиваться перед ним, но в то же время ненавидеть, дай такому забитому «притворщику» пистолет — он всех, кто ему неприятен... Останется ли человек человеком или убьёт напарника ради хабара — только в Зоне можно это проверить.

— Последнее желание? — со злорадной ухмылкой спросил мой приятель, нацелив ствол пистолета-пулемёта на раненого.

— Нет, подожди. — Я надавил рукой на ствол «Гадюки», тем самым заставив её хозяина опустить оружие.

— Ты чего? — не понял Кир.

— Не нужно руки марать. — Я с ненавистью посмотрел на Рейсера, а потом перевёл взгляд на неподвижного Моряка. Пуля вошла сталкеру точно в лоб. Лицо его с момента нашей первой и последней встречи заметно погрубело, и при взгляде на его тело в животе у меня пробежал холодок и в горле встал ком. — Зона сама всё решит. Не устраивай самосуд.

— Что?! — возмущённо взревел Кир. — Не бывать...

Дальше я не слушал приятеля, а решил показать, как именно Зона будет судить убийцу: включил ПДА, перевёл карманный компьютер в режим «детектор аномалий» и внимательно изучил показания прибора. Запомнив их, взял в руки «Абакан» Рейсера, выщелкнул из него магазин, положил его к себе в подсумок, размахнулся и кинул автомат далеко за Рейсера. Пролетев метров десять-пятнадцать, «Абакан» попал в аномальное поле «воронки», секунду повисел в воздухе — аномалия накапливала энергию для импульса, а затем автомат разорвало на части и по стволам деревьев защёлкали винтики, болтики и куски пластмассы.

Не дожидаясь комментариев со стороны Кира, я попросил его усмирить мародёра, пока буду доставать у того пистолет. Им оказался «Волкер» — пистолет с магазином на шестнадцать зарядов 9*19 мм. А ведь у моей «беретты» именно такой калибр — потому я вытащил из оружия полный магазин. Размахнулся и кинул пистолет в ту же «воронку», после чего оружие перестало быть пригодным для дальнейшей эксплуатации по прямому назначению.

— Запасные магазины к «Волкеру» и автомату гони, — сказал я Рейсеру.

Тот расстегнул кармашки на разгрузочном жилете, вынул три обоймы и кинул к моим ногам. Затем полез в подсумок, вытащил пять полный магазинов к «Абакану» и отправил их вслед за обоймами для пистолета.

— Больше в подсумке ничего нет?

Бывший сталкер, а ныне мародёр показал мне пустой раскрытый подсумок.

— В разгрузе? — Я не собирался оставлять бандиту из оружия ничего, кроме ножа.

— Сучёныш, — сквозь зубы процедил Рейсер, вывернув пустые кармашки.

— Теперь понял, как Зона с ним рассчитается? — Это Киру.

Мой приятель неуверенно посмотрел на меня, затем на Рейсера, с ненавистью взирающего на нас, и железным тоном сказал:

— Рюкзак.

Мародёр, кряхтя, приподнялся на левом локте, стянул со спины рюкзак за лямки и кинул его мне под ноги. Кир подхватил «вещмешок» и кинул его над головой Рейсера. Рюкзак преодолел расстояние до «воронки» и аномалия его утилизировала.

— Сейчас он голый и беззащитный что маленький ребёнок, — сказал я Киру. — Теперь Зона точно сама решит, заслужил ли этот урод смерти за свои деяния или же нет. Если с одним ножом он доберётся до бара живым — считай, Она так решила. Тогда я не буду идти против Неё и никому не расскажу, кто всё это время убивал новичков. Но если ты, конспиратор ёбаный, решишь отомстить мне и начнёшь переваливать убийства с себя на меня, то знай, что у меня есть много веских доказательств твоей вины. Бармен подтвердит мои слова, а его мнение, как тебе известно, для сталкеров авторитетно. Так что преимущество явно не на твоей стороне. Если останешься жив, я, как уже сказал, не сообщу никому о том, что ты натворил, но если мы встретимся на узкой дорожке, предупреждаю, я из опасения за свою жизнь убью тебя. А если ты, образно выражаясь, вонзишь мне в спину нож, то всей Зоне о нашем с тобой секрете расскажет Кир. Может, и ещё кого посвящу (я имел в виду Миротворца, но чисто из страха за учителя, естественно, не сказал о нём Рейсеру). Так что после того, как все узнают о твоих подлых деяниях, ты не спасёшься от мести за наших братьев даже за Периметром.

Говорил я это всё тихо, но стальным тоном, чтобы Рейсер понял, что это не просто слова...

— Кир, теперь ты со мной согласен? — Я, приподняв одну бровь, вопросительно покосился на сталкера.

— Ну, в принципе, да. Попахивает сектантством, но придумано хорошо и в этом я с тобой солидарен.

— Вот и отлично. Ты, наверное, иди за туристами, а я пока покараулю этого... — Дальше я одним нецензурным словом уточнил, кем именно считаю Рейсера.

— Понял, иду. — Кир развернулся лицом в сторону КПП, но затем гыкнул, повернулся к Рейсеру и смачно плюнул ему на ноги. Убедившись, что выразил своё отношение к мародёру, сталкер удовлетворительно хмыкнул и направился за теперь уже нашими ведомыми, чтобы привести их сюда. Кстати, надо отдать должное этой парочке — сидели в домике тихо и молча, как я и просил.

Я, ожидая напарника и туристов, присел на землю, прислонившись спиной к стволу дерева. Взял в руки все снаряжённые магазины для автомата, некогда принадлежащие Рейсеру, рассортировал их по кармашкам разгрузки. Затем взял четыре магазина, набитых патронами калибра 9*19 мм, один из них положил себе в подсумок, так как кармашки

разгрузочного жилета и так уже были туго набиты, а оставшиеся три приберёг для Кира — калибр у «Гадюки» такой же, как и у «Волкера».

— Слышь, как там тебя, Кекль? — Видимо, мародёр понял всю серьёзность своего положения и пытался решить всё миром. — Давай договариваться, а? У меня есть деньги...

— Не суди людей по себе, не все сюда пришли ради бабла.

— А тебе что нужно?

Я усмехнулся — знай Рейсер, какова настоящая причина моего прихода в Зону, он бы вообще со мной этот разговор не начинал.

— Сделай так, чтобы у меня никогда не кончались патроны, никогда не ломались детекторы и чтоб всегда, где б я не находился, близ меня всегда бы были укрытия от выбросов. Тогда, может быть, я тебя отпущу.

Бывший сталкер громко и зло засопел — по-видимому, понял, что моё решение окончательное и обжалованию не подлежит. И тогда он решил попытаться добиться смягчения наказания, но вот только никаких смягчающих обстоятельств у него для этого не было.

— Ты же человек (по сравнению с ним-то, конечно), сталкер, ну дай ты мне хотя бы пистолет с одной обоймой. — Мародёр отчаянно взмахнул руками, но сморщился от боли в простреленной конечности. — Сдохну же...

— Ни хрена я тебе не дам! — закричал я. — За то, что ты натворил, я вообще должен был тебя на месте пристрелить! Но пуля для тебя — слишком лёгкая смерть, а садистских наклонностей у меня нет, так что, как выражаются твои дружки по мышлению, «на ремни тебя резать» я не смогу. В любом случае брать на себя прерогативу Всевышнего я не готов, потому что не хочу нести ответственность. Мне мученической смертью помирать как-то неохота.

— Но ты же обрекаешь меня на верную смерть! — Он опять взмахнул левой рукой. — Всё равно ведь берёшь ответственность...

— Э-э, нет! Я передаю тебя в полное распоряжение Зоне. И вообще, закрой пасть, а тс сейчас вторую руку прострелю.... А ну-ка постой!.. — Я заметил, что мародёр спешно одёрнул задравшийся во время его бурных жестикующих рукав на левой руке, где на запястье обычно крепится ПДА. Точно, я совсем забыл про карманный компьютер — Рейсер может послать в Сеть сообщение с просьбой о помощи, официально-то он ещё сталкер. — А ну дай сюда комп.

Рейсер неожиданно побелел, сорвал с запястья ПДА и кинул его к моим ногам, да так, что маленькое устройство отрикошетило от ботинок и, отлетев в сторону, вдребезги разбилось об дерево. Спасибо, Рейсер, сделал дело за меня.

— Забирай, сука, всё отбери, ничего не оставь!..

Я бы с радостью остановил истерику мародёра пинком по больной руке, но сделать это мне не дало появление Кира и двух туристов, с тревогой поглядывающих на Рейсера.

Я встал и протянул приятелю три магазина для «Гадюки». Сталкер взял их, благодарно кивнул и спрятал обоймы в кармашек разгрузки.

— Ну, вставай! — приказал я Рейсеру, снимая со спины рюкзак.

Мародёр встал, пошатываясь и зажимая ладонью левой руки простреленное плечо; из-под его пальцев сочилась кровь. Достав из рюкзака упаковку бинтов, я кинул её Рейсеру под ноги и сказал, указав рукой на КПП:

— Пошёл вон, урод!

Мародёр поднял бинты и засунул их в пустой кармашек разгрузочного жилета. В последний раз одарив всех нас четверых ненавидящим взглядом, развернулся и медленно поплёлся в сторону Свалки, петляя между деревьями.

— А я догадываюсь, почему ты его отпустил, — сообщил мне Кир, когда мародёр преодолел половину расстояния от нас до ворот КПП.

— И почему же? — Я не сразу вник в смысл того, что он только что сказал, — думал, хватит ли у Рейсера мозгов не мстить нам с Киrom. Если, конечно, выживет, в чём я очень сомневаюсь.

— Вспомнил Скоростела, да?

Скоростел пропал года полтора назад и до своего исчезновения был обычным вольным сталкером. По рассказу Миротворца, он нашёл легендарный артефакт под названием «целитель», который, если коснётся оголённых участков кожи, растворяется в организме, полностью излечивая человека и давая ему неуязвимость. Неизвестно, до конца ли жизни человек неуязвим и для пуль, и для ножей, и для всего прочего, или ресурсы артефакта временные, что вероятнее всего — артефакты — продукты аномалий, а те в свою очередь не вечны. Известно лишь одно — ресурсы легендарного «целителя» очень большие. В общем, Скоростел взял тот чудотворный артефакт голыми руками, подумав, что это распространённая «батарея». Когда месяца через два он встретил на пути мародёров, между сталкером-одиночкой и группой бандитов завязалась битва, победителем в которой стал Скоростел. А стал именно благодаря «целителю». Естественно, когда пули входят в твоё тело, а потом вываливаются из ран, смятые в плоский блин, невольно задумываешься, что с тобой произошло. Узнав, что он теперь неуязвим, Скоростел возомнил себя всемогущим, стал задаваться, а потом неожиданно собрался идти к четвёртому энергоблоку — решил уничтожить сердце Зоны и тем самым Её саму. Дня через два после его выхода к ЧАЭС случился мощнейший выброс, и до следующей очистки ноосферы Зона была очень нестабильна. Скоростел бросил вызов Зоне и бесследно исчез. Его случай стал для многих уроком: не иди против Зоны.

— Да, именно, — утвердительно ответил я Киру. На самом же деле не это настоящая причина, по которой я отпустил Рейсера. Причину я рассказал самому мародёру. Просто не хочу выделяться своим мышлением в сталкерской среде, пусть все думают, что мыслю как обычный вольный бродяга. А то мало ли — подумают «долговцы», что я мутант...

Прежде чем продолжить путь, я закрыл рукой глаза Моряку, мы почтили его память минутой молчания, и я сказал: «Пусть тебе земля будет пухом». К сожалению, более ничего для убитого сталкера мы сделать не могли — покойников в Зоне никто не предаёт земле. Во-первых, мутанты раскопают, а во-вторых, аномальная энергия выброса всё равно «оживит» его и вновь оживший зомби, восстав из могилы, может создать немало проблем какому-нибудь неопытному бродяге. Как-нибудь нужно будет специально прийти и поставить на место, где умер Моряк, деревянный крест. «Могилы», коих по Зоне великое множество и которые состоят из одного лишь деревянного креста и лежащих под ним гильз от патронов или фляги, не могилы вовсе, а что-то вроде памятников, куда друзья погибшего приходят и отдают ему честь.

Почтив память Моряка, мы продолжили путь к Периметру. Как и договорились, Кир — ведущий, за ним — Татьяна, следом за девушкой — Дмитрий и я замыкающий.

Не сделали мы и двадцати шагов, как дождь зарядил с новой силой. С одной стороны, сильный дождь — это хорошо: контуры аномалий хорошо видно, а с другой плохо: из-за

шума потоков воды можно не услышать приближения мутантов — цокота копыт или лая слепышей. Для одиночки надежда остаётся только на детектор жизненных форм — хоть и хороший прибор, но всё же техника, а у неё есть очень плохая сторона — она боится влаги и вообще иногда ломается или работает с перебоями. Когда же вместе идут хотя бы два человека, дождь, скорее плюс, чем минус, — первый ведёт за собой второго, огибая аномалии, а второй может часто оглядываться и смотреть по сторонам не в ущерб безопасности обоих.

На дороге было очень много аномалий, что для Кордона очень и очень большая редкость. Один отрезок нашего пути был таким: пришлось уходить на левый край дороги, бочком идти по нему, так как справа были аномалии, а слева огромные и грязные лужи. Пройдя так метров двести (это что-то около пятнадцати минут), мы прошли перпендикулярно дороге на другой её край и шли так метров тридцать, потом стали петлять зигзагами, перемещаясь то к одному краю, то к другому, то шагая по центру. В принципе, я не придавал значения такому количеству аномалий рядом с Периметром — сегодня был очень мощный выброс, вследствие чего родилось намного больше аномалий (это закономерность), чем после обычного. Но через сутки или двое — большинство аномалий в Зоне исчезнет.

Когда дорога стала более-менее свободной от всяких «воронков», рисующих водяные смерчи на земле, «трамплинов», во время дождя выглядящих как одно большое тёмное пятно, и т. д., кусты впереди отряда зашевелились. Мы все четверо, как это ни странно, мгновенно ощетинились стволами. Через несколько секунд ветки кустарника раздвинулись и на дорогу, что неразборчиво, но воинственно лопоча, выбежала псевдоплоть. Очень страшный на вид и крайне трусливый мутант. Странно, что она выбежала вот так в лобовую атаку на такой большой отряд, обычно плоти и на одиноких ходоков сзади пытаются напасть. Поговаривают, будто плоть произошла от ранее самых обычных милых домашних хрюшек. Но радиация вкупе с аномальной энергией изуродовала этих милых розовых зверушек настолько, что в них не осталось ничего от первоначального вида. Как выглядят плоти? Представьте себе самую обычную свинью с носом-пятакон и завитым хвостиком. Представили? А теперь мысленно ампутлируйте свинке копытца и вместо них «пришейте» клешни как у крабов. Затем мысленно уберите уши, хвостик, пяточок и вместо него представьте небольшой бугорок и в нём две ноздри. Уже не красотка, согласитесь? Теперь так же мысленно «исполосуйте» ножом всё рыло и представьте, что прошло два дня и на месте ран — гноящиеся нарывы, из которых течёт гной и сукровица. Затем добавьте пару десятков килограммов жира и распределите его по всему телу получившегося существа. Последние штрихи: замените розоватую кожу светло-коричневой, уменьшите этак раза в два головной мозг и измените речевой аппарат, чтобы получившееся животное могло воспроизводить человеческую речь. То, что у вас в результате всех проведённых в мозгу манипуляций получились — примерно так и выглядит самая обычная плоть. Но не стоит считать это порождение Зоны неопасным и при встрече относиться к нему пренебрежительно — плоть имеет очень большие клешни, которыми может запросто перекусить как проволоку кусачками человеку руку. Так что ни в коем случае не стоит подпускать мутировавшую свинку близко к себе, иначе можно серьёзно пожалеть...

Мутант, истерично визжа, преодолел всего два метра от кустов, после чего его отбросил назад шквал огня из четырёх стволов. Но не зря не стоит недооценивать и опасаться абсолютно всех мутантов — они очень живучие и обладают ускоренной регенерацией повреждённых тканей. Когда мы думали, что мутант мёртв, плоть, не проявлявшая до сего

момента никаких признаков жизни со времени своего падения, внезапно вскочила и с более разборчивым криком «за ВДВ!» ринулась на Кира, но, получив в морду заряд свинца, испустила дух.

Ну-ну, были бы в воздушно-десантных войсках такие бойцы, этих войск давно бы не существовало...

— Прикинь! Разговор... десантников... подслушала. — Кир, разобрав, что всё это время кричала плоть, согнулся пополам и стал смеяться, пока у него не началась икота и на глазах не выступили слёзы.

Ну а что, плоть вполне могла подслушать такой крик, запомнить и сама потом воспроизводить. Главная особенность псевдоплоти — у неё так устроен речевой аппарат, что она может говорить на человеческом языке. Как услышит что-нибудь от людей, повторяет это как заведённая до тех пор, пока не забудет. Правда, ввиду своей чрезмерной тупости, услышанные фразы плоть довольно быстро забывает и чем больше проходит времени с момента услышанного слова или предложения, тем больше мутант коверкает его и минут через двадцать разобрать что-либо из его речи становится затруднительно. Было бы смешно, если бы мутант мог понимать услышанные фразы, переставлять местами буквы и составлять свою речь...

Обойдя круглый, словно футбольный мяч, труп свиньи, мы продолжили шествие.

Минут через пятнадцать Кир внезапно остановился и, не отрывая взгляда от экрана ПДА, испуганно крикнул. Я обеспокоено посмотрел на детектор аномалий и... и обомлел. Такого просто не может быть! Даже в Зоне! Нет, именно в Зоне это невозможно. Сначала я подумал, что увиденное мной на экране, — глюк детектора. Но хлопки разряжающихся аномалий, раздающиеся со всех сторон, были ярким доказательством того, что это происходит на самом деле. Аномалии ПРЫГАЛИ!!! С места на место. Вот «воронка» только что была перед Киrom метрах в десяти, затем она переместилась мне за спину. «Трамплин» был слева от отряда, потом возник рядом с Татьяной, включился на неё, снова прыгнул — теперь уже за Дмитрия — и там разрядился. Я надеялся, что всё это сон. Зажмурился и открыл глаза, надеясь, что сейчас проснусь в комнате у Бармена. Что же должно произойти, чтобы аномалии прыгали? Нет, есть, конечно, блуждающие, но это явления очень редкое и, насколько я помню, на такое способны только «карусели».

Глянув на экран ПДА, я не смог отвести от него взгляда. Аномалии всегда и абсолютно все обозначаются зелёным цветом, а то, что я сейчас увидел, выходило за рамки возможного. На экране детектора была одна голубая метка, которая располагалась... Я глянул вперёд и отшатнулся, чуть не выронив КПК. Перед Киrom, на лице которого застыл ужас, образовалась полупрозрачная спираль, в которой от периферии к центру сгущалось пространство, становясь желеобразным. Да, именно пространство, а не воздух. Затем спираль резко расширилась и выросла в высоту, после чего исчезла, и вместе с этим перестали прыгать другие аномалии. Кир исчез. Словно растворился в воздухе. Исчезла и его зелёная метка ПДА.

Что за х...

Я не знал, как объяснить только что произошедшее, тем более что голубой метки больше не появлялось на экране детектора.

Поговаривают, будто по всей Зоне понатыкано очень много пространственных пузырей разного размера и форм, ведущих в параллельные миры. И что только Доктор знает, какие артефакты нужно соединить, чтобы получить сборку, которая позволяет обнаруживать и открывать пространственные пузыри. Миротворец рассказывал мне, что сам лично беседовал с Доктором на эту тему, и тот сказал, что без соответствующей сборки открыть пузырь просто невозможно и сами они не открываются. Я понятия не имею, что они из себя представляют, но, судя по рассказу наставника, имеют вид именно таких спиралей. Но как, чёрт побери Кир смог попасть в пузырь без сборки?! Я точно знаю, что у него ничего подобного нет, он сам, будучи в нетрезвом состоянии, говорил, что артефакты для него — это всего средство заработка, и химичить с ними ему на фиг не надо.

Я с надеждой вгрызся глазами в экран детектора, надеясь снова увидеть там голубую, а затем и зелёную метки. Но ничего не происходило, вокруг нас было абсолютно тихо.

Нас.

Я глянул на туристов, которые по-прежнему находились впереди меня и всем своим видом выражали крайнюю степень испуга.

И вдруг ко мне пришло внезапное озарение. Кир говорил, что в вечер того дня, когда я сдавал научникам на Янтаре хабар, на Периметр нахлынула волна мутантов. Но я-то эту волну не встретил! Утро следующего дня было полным сюрпризов. Странно немного,

конечно, что зомбированный пытался зайти в коллекторную трубу, но это же не выходящее из ряда вон событие, такое тоже возможно. А вот то, что началось после того как я встретил туристов и повёл их за собой, действительно ни в какие рамки не входит. И не даже в Зоне, а именно в Зоне. Ладно, повышенную аномальную активность и активность мутантов можно списать на то, что в ноосфере скопилось слишком много информационного мусора и эти волнения в Зоне были связаны именно с предстоящим мощным выбросом, в течение которого всё лишнее выплеснулось бы. Связаны как — понятно: мутанты и аномалии — продукты хлынувшей в две тысячи шестом году энергии из ноосферы, а значит, и они связаны с ней и чувствуют, что что-то не так. Я думал, выброс закончится и Зона успокоится. Ан нет: «электра» та огромная, ведущая себя таким образом, что возникает сомнение относительно того, чем та «молния», сбившая вертолёт, вообще является. Затем большое количество аномалий на Кордоне и непонятно откуда взявшаяся плоть (только сейчас об этом подумал), которая, по идее, должна была в то время пытаться прорваться через заграждения Периметра. Это просто нарушение законов Зоны, я с таким никогда ранее не сталкивался. И Кир... Что с тобой случилось, дружище?.. И всё это началось именно после того, как я встретил туристов...

Я внимательно посмотрел в глаза Дмитрию, он отвёл взгляд. Ага! Теперь я понял, что было странным в его глазах: абсолютно чёрные, широченные зрачки. Такие глаза у... КОНТРОЛЁРОВ!!! Мать же вашу!

Я вскинул АКСУ и отпрянул назад, держа туристов-контролёров на прицеле. Хотя тут немного не сходится — когда псионик берёт человека под контроль, у того в голове раздаётся звон, похожий на колокольный. А я ничего подобного не слышал. По фиг, значит, супер-контролёры вывелись, которые могут взять нас под контроль, а мы, люди, ничего и не поймём.

— Кекль, успокойтесь, — спокойно сказал Дмитрий.

— Заткись, контролёр поганый, закрой свой проклятый рот! — закричал я, сетуя, что, предложив Киру пойти с собой, обрёл друга на гибель. Но всё же надежда умирает последней: — Что с Киром? Куда вы его дели?

— Татьяна Сергеевна, — очкарик вопросительно посмотрел на девушку, — давайте уже расскажем нашему проводнику правду, а то до Периметра осталось всего ничего.

— Согласна, Дмитрий Олегович.

Оба стали более степенными, движения их плавными и неспешными. Словно мгновенно преобразились из глуповатых провинциалов в «побитых» жизнью, мудрых старцев. И мне это крайне не понравилось — обычным людям такие быстрые перемены не свойственны!

А в следующий момент произошло то, что не поддаётся никакому описанию — мои бывшие ведомые внешне изменились: у Дмитрия исчезли очки, на гладком до этого лице появились морщины, исчез рюкзак, защитный костюм, турист «переоделся» в чёрный смокинг, белую рубашку и начищенные до блеска ботинки. Как же нелепо он стал выглядеть на фоне мрачной атмосферы Зоны одетый в чистый... Всё равно, что бизнесмен в одежде фермера. Татьяна тоже изменилась: глаза её потускнели, на лице появились морщины, она «переоделась» в строгое чёрное платье и туфли. Какие-то нестандартные, мягко скажем, контролёры... Но контролёры же! Я, не задумываясь, вжал спусковой крючок, крепко зажмурившись. Автомат плевался огнём, пока не раздался щелчок — в магазине кончились патроны. Я, думая увидеть истекающие кровью трупы на земле, открыл глаза. И испуганно отскочил назад, запнулся об камень и упал на землю, больно приложившись лопатками.

Потому что воздух перед туристами-контролёрами подрагивал, как это бывает в «воронке», а сами они были живы-здоровы. Пули просто увязли в аномалии и замедлили скорость полёта в миллион раз. Как она здесь появилась?!

— Господин сталкер, — тихо сказал Дмитрий, — не стоит утруждать себя, вы не убьёте нас. Когда он это сказал, воздух перед парочкой рябить перестал — аномалия исчезла.

— Какого чёрта?! — не своим голосом крикнул я. — Что вам надо?! Зачем вы меня водили столько времени за нос?!

— Мы вам сейчас всё расскажем, — с таким невозмутимым видом сказала Татьяна, словно мы вели дружную беседу где-нибудь в кафе или ресторане в Москве. — Дмитрий Олегович, может, вы начнёте? У вас дар убеждения.

— Хорошо.

Что за херня?! Что они начнут?! Уговаривать позволить им сожрать меня?..

— Кекль, мы понимаем ваше недоумение, но мы вам сейчас всё объясним...

— Закрой пасть, гниль! — Я пытался вставить в автомат новый магазин, но не попал им, куда нужно.

— Главный вопрос, интересующий вас — куда делся ваш друг, так? Мы ответим на него, обещаю, но прежде кое-что вам объясним. Учтите, что от исхода нашего разговора зависит судьба многих людей. Поначалу вам это может показаться бредом, но по ходу диалога вы всё поймёте и примите важное решение. Даже не знаю, с чего начать, я не психолог... Ладно, расскажите нам, что вам известно об организации «О-сознание»? Мы гарантируем, что с Киром не случилось ничего плохого, он жив, здоров и если у нас получится договориться, вы узнаете, куда он пропал.

Я прекратил попытки зарядить автомат. Что ж, раз убить их не получится, то стоит поговорить...

— «О-сознание» состоит из группы учёных, проводивших опыты с ноосферой. Они пытались подчинить её себе, но случился какой-то сбой, из-за которого в оболочке информационного поля Земли образовался пробой, и энергия ноосферы хлынула на поверхность нашей планеты, в результате чего образовалась Зона. И будто бы члены «О-сознания» это Хозяева Зоны, которые могут управлять мутантами. Доволен?

— Это откуда вы такое взяли? — На лице Дмитрия расплылась дружелюбная широкая улыбка.

— Сталкеры говорят, — я пожал плечами.

— Почти всё неверно. Мы вам расскажем, как образовалась Зона. Мы, то бишь члены «О-сознания» и по совместительству Хозяева Зоны (ох ты, даже так...), и вправду были внутри Периметра тогда, когда она образовалась. Но никакого отношения к её возникновению, клянусь вам, мы не имеем. Тринадцатого апреля две тысячи шестого года нашу группу из шести человек сюда направило правительство Украины. Главная цель нашей командировки была довольно проста: установить, не снизился ли радиационный фон в Припяти и Чернобыле до допустимой отметки для проживания в этих городах людей. И, конечно же, взять образцы местных растений, чтобы учёные за периметром определили, насколько сильно на них повлияла радиация. Это была скорее инерция, чем реальная надежда на снижение фона за каких-то двадцать лет с критической отметки шестьсот рентген в час до двадцати или пятнадцати микрорентген. Как мы и думали, радиационный фон в апреле две тысячи шестого года в городе энергетиков был слишком высок для заселения в него людей, а вот в Чернобыле фон был более-менее близок к норме —

тридцать-сорок микрорентген в час. В тот злополучный день мы находились в Припяти возле спорткомплекса «Лазурный». Мы только собрались зайти в бассейн, чтобы оценить его состояние и измерить внутри фон, как вдруг началось это... Небо налилось багрянцем, словно на него пролили клюквенный сок. Повсюду стоял гул, от которого закладывало уши, и в воздухе повисло сильное напряжение. Мы просто не могли знать, что это был первый и самый мощный выброс, породивший нынешнюю Зону, и даже не догадывались, у нас никаких гипотез не было насчёт того, что это такое происходит. Мы просто стояли на улице, раскрыв рты, и тупо пялились на небо. На него было трудно не смотреть, оно было таким красивым... А затем небеса разверзлись и в район Чернобыльской атомной электростанции опустился какой-то очень яркий и большой предмет. Когда он исчез за крышами домов, раздался далёкий грохот, потом земля под нашими ногами дрогнула и от Станции пошла ударная взрывная волна, вызванная падением небесного тела на Землю. Когда волна дошла до нашей группы... мы, — Дмитрий потёр лоб, — не помню, что произошло в тот момент. В общем, мы потеряли сознание. Очнувшись, подумали, что это была массовая галлюцинация или что-то вроде этого: вокруг нас словно ничего не изменилось. Но, присмотревшись, мы увидели нарушения циркуляции воздуха и как, закручивая воздух в причудливые спирали, в этих аномальных местах пространство разрывало на части пролетающий мимо мусор вроде обёрток и листьев. А затем мы слышали дикий, животный рёв. Он посеял в нашем сознании панику и сковал волю. Отойдя от шока и поразмыслив, мы решили немедленно выбираться из города и возвращаться к периметру зоны отчуждения. Правда, не знали мы, что это уже была не та зона с маленькой буквы, главной угрозой для здоровья в которой был высокий радиоактивный фон, а Зона, наполненная мутантами и аномалиями, малейшая неосторожность и невнимательность в которой могли стоить жизни. Наш «ПАЗик» не пожелал заводиться, и мы потопали пешком. По пути встретили ещё четырнадцать таких же человек, как и мы, — тех, кому посчастливилось остаться людьми. Хотя бы наполовину... Ты не представляешь, что мы пережили, пока добирались до Периметра! Мы все думали, что коллективно сошли с ума. Всего из двадцати человек живыми до цели добрались всего тринадцать, и даже это чудо. Совершенно случайно где-то в районе Милитари мы обнаружили, что та взрывная волна не сделала нас хуже, как многих людей, превратившихся в мутантов. Мы стали лучше. Наше сознание имело теперь более широкие возможности, позволяющие нам как управлять всеми монстрами из параллельного мира, так и сдерживать их натиск. Так же мы имеем некоторую власть над людьми... Ладно, на чём я остановился... В общем, шли мы долго, и, когда случился первый прорыв, в результате которого мутанты прорвались через не слишком в тот момент укрепленные ограждения Периметра и убили всех жителей деревни в трёх километрах от границы Зоны, мы уже были на подступах к Периметру и пользовались для расчищения дороги своим приобретённым даром вовсю. Мы вышли за границы Зоны и почувствовали себя очень плохо. Помню, один чудик побежал назад, мы ломанулись за ним — только это нас и спасло: когда мы вернулись за Периметр, наше самочувствие улучшилось. Три дня наша группа пыталась уйти за границы аномальных пространств, но спасение от чудовищной головной боли мы снова и снова находили в Зоне. И вскоре мы поняли, что она теперь — наш дом. Это расплата за приобретённый дар, которым нас наградила взрывная волна. После третьего в истории Зоны выброса только благодаря тому, что мы управляли мутантами и подставляли их под пули, военные смогли удержать оборону и не допустить второго прорыва. И позже мы решили, что без нас военным не справиться и если мы не вмешаемся, Зона расползётся на континенты и погибнет много

людей. Наша группа из тринадцати человек, которая вскоре станет называться «Осознание», направилась в то место, где всё ЭТО и случилось, то есть к ЧАЭС. Совершенно случайно на окраине Припяти мы нашли вход в подземелья, пройдя по которым, оказались аккуратно в бункере под Станцией, где с тех пор сидим и защищаем мир от Зоны.

Я не мог поверить в услышанное. Получается, привычная гипотеза о возникновении Зоны рухнула. Никаких опытов с людьми для создания супер солдат и никаких попыток заглянуть в ноосферу не было.

— Ты... это... серьёзно или дурак?.. — Я не знал, что больше ответить на только что услышанное. Ещё сутки назад, услышав такое, я бы сказал собеседнику, что ему нужно капитально лечиться. Но, насмотревшись на огромные «электры» и исчезновения и преобразования людей как внешне, так и внутренне, я понимал, что даже такое возможно. Однако здравый рассудок на всех голосах и языках кричал, что это полная чушь и нужно сейчас приставить ствол автомата к подбородку и.... Чтобы не быть на услужении у этих контролёров.

— Сталкер, мы что, похожи на сумасшедших? — устало сказал Дмитрий.

— Нет. Но у вас есть кое-что общее с только упомянутыми тобой: что-то с головой...

— Ой, давай только без острот, ага! То, что я тебе рассказываю, действительно очень важно и от усвоения тобой этой информации зависит очень многое. — Лицо Дмитрия после этой его фразы осталось невозмутимо спокойным, однако бегающий взгляд выдавал его немалое волнение. Раз волнуется, значит, действительно что-то серьёзное...

— Хорошо, допустим, я вам поверил. Но я не понял одного: что за предмет упал с неба, тем самым породив Зону?

— Монолит это был, — после паузы тихо сказал Дмитрий — видимо, ему было неприятно поднимать тему о событии, из-за которого он стал отрезан от Большой земли, где у него вполне могла быть семья; из-за которого он потерял свободу и вынужден спасать людей от Зоны ценой собственного счастья. — Я не знаю, кто и с чего решил, что Монолит исполняет желание — наверное, отец этой легенды вспомнил Стругацких, где в «Пикнике на обочине» в Зоне была спрятана Машина Желания. Но Монолит выполняет совершенно другую функцию, да и название это ему не подходит, скорее — Проход.

— Почему Проход?

— Потому что через него лезет вся нечисть, которую вы, сталкеры, называете мутантами. И выбросы аномальной энергии именно оттуда. Можешь смеяться, но Зона — результат вторжения инопланетян. Они скинули свой грёбаный Монолит, будь он трижды проклят, сюда, чтобы иметь возможность сойти на Землю. Монолит — это что-то вроде пространственного пузыря или телепортатора между нашим миром и миром этих... — он замолчал, пытаясь подобрать правильное слово, — уродцев. Хотя мне кажется, что в своём мире мутанты не такие уродливы, просто Монолит, наверное, работает не так, как ожидали инопланетяне, а как призма, то бишь искажает всё, что через него падает. Не проси объяснить меня процесс телепортации и эти внешние превращения более подробно, я не учёный, а даже если бы и был им, вряд ли бы рассказал что-то путное. Попросту говоря, Монолит — это «дверь» между двумя мирами. С одной её стороны мы, то бишь Хозяева Зоны, пытаемся сдерживать натиск прущих из атакующего нас мира существ, а с другой стороны — враждебно настроенные инопланетяне. Казалось бы, со временем они должны уже успокоиться, но нет, даже по сравнению с две тысячи шестым годом, нынешний их напор очень силён. Открывается «дверь» наполовину примерно раз в неделю, и, пока она

открыта, на Землю льётся поток губительной для всех нас энергии, попросту говоря — происходит обычный Выброс. Иногда, когда натиск становится слишком сильным и сдерживать его — себе дороже, — чаще; эти «открытия вне расписания» вы называете внеплановыми Выбросами. И именно когда дверь приоткрывается, в наш мир лезут мутанты. Я не знаю, что представляет собой эта аномальная энергия, точнее — не знаю, чем она является в том мире — то ли главной составляющей атмосферы, то ли это что-то искусственно созданное с целью уничтожения нас. Я склоняюсь к первому, так как после падения на Землю Монолита из него сразу же хлынула аномальная энергия в очень большом количестве. Если для жителей того мира она — всё равно, что для нас воздух, то можно предположить, что прежде чем высадиться на поверхность нашей планеты, инопланетяне решили провести что-то вроде дезинфекции, потому что не знают, пригодна ли для них атмосфера Земли. Узнав, что для людей аномальная энергия губительна, инопланетяне постоянно выплёскивают её на нас, пытаясь уничтожить.

Зона — результат вторжения инопланетян... Боже, как просто и банально, а кто-то придумал про бредовые опыты с ноосферой и экспериментами по созданию супер солдат. Для чего? Либо не нашли иррационального предположения причине возникновения Зоны, либо просто боялись, что люди, узнав, что здесь бродят инопланетяне — съедутся поглазеть на них. Ну точно, гениально! В гипотезе нет ничего особо интересного — ну ошиблись малость учёные, ну пробили ноосферу, ну превратились находившиеся здесь люди в мутантов в тот момент, когда энергия информационного поля планеты хлынула на Землю. Подумаешь... Для журналистов — это сенсация на пару дней (если не брать во внимание долгие разговоры по телевизору в скандальных шоу), а для обычных людей лишний повод убедиться, что у современных учёных — руки из жопы растут. Зато сюда не будет половина России и Украины лезть с фотоаппаратами — зелёных человечков пофотографировать. А оружие взять и не додумались бы — что, мол, нам эти карлики сделают? — в свою летающую тарелку заташат и будут опыты проводить? Сказки это всё, которыми мамы своих неуёмных деток пугают, чтоб те спали и из кровати ночью ни-ни — родителям дали братика или сестричку сделать... Таким образом, придумав эту гипотезу про ноосферу, правительство избежало многих человеческих жертв. Сталкеры-то знают, куда идут.

— А что, значит, нет никакого Исполнителя Желания? — Я даже немного расстроился, хотя меня это никаким боком не касалось — ну нет у меня одного большого желания, способного сделать меня счастливым на всю жизнь.

— Ну почему же... Мы воплощаем желания людей в жизнь, точнее — в подсознание.

— Как это? Даёте кучу бабла — и вперед на тропический остров? Или у вас есть лекарство от всех болезней?

— Ни то, ни другое. Приходит человек к Монолиту и говорит желание. Если его исполнение несёт за собой человеческие жертвы — мы, естественно, не выполняем желание и человеку выжигаем сознание — раз его счастье стоит человеческих жизней, то он уже опасен для общества. Если желание благое — выключаем человеку сознание, запускаем в подсознании жизнь, в которой воплощается его желание. И всё — человек там живёт и делает, что хочет. Что-то вроде сна, только ближе к реальности.

— Зачем вы это делаете? Не лучше ли потратить эту энергию на удержание той же двери...

— Я же сказал: запускаем — и человек сам там живёт, делает, что душе угодно, это же его мир. Это как ты на компьютере программу установил и пользуешься ею, заново каждый

раз не переустанавливая. Да и почему бы не дать человеку то, чего он хочет больше всего в жизни, если мы можем это сделать.

— Понятно... Но я так и не догнал, зачем ты мне всё это рассказал?

— Чтобы ты лучше понял, что нам от тебя нужно. Перехожу к делу: как я уже сказал, мы можем управлять мутантами, а также аномалиями, но последнее никому не известно. Я не буду вдаваться в подробности относительного этого, так как ты, скорее всего, скоро сможешь прочувствовать всё на себе. Скажу лишь, что для того чтобы уловить энергетические сигналы от аномалий, поймать за тоненькие ниточки сознания мутантов и держать «дверь», нужно полностью отключить своё сознание, дабы во время... хм... работы человека не посещали никакие посторонние мысли. Контроль над порождениями Монолита осуществляется на уровне шестого энергетического уровня, центра разума. По-другому он называется «шестая чакра». Контроль — это состояние сродни медитации. Ранее удержание Зоны в стабильном состоянии не составляло для нас, Её хозяев, особого труда. Однако это раньше. Года два назад начались первые трудности, которые к нынешнему времени переросли в серьёзные проблемы и угрозу краха нашей организации, что может повлечь за собой расползание Зоны сначала по всей Евразии, а потом и по всему миру...

Начну рассказывать о сути проблемы издавека. Ты должен знать, что у каждого человека есть определённые, невозполнимые запасы жизненной энергии. Образно выражаясь, человек — это восковая свеча. Чем чаще зажигать фитилёк, тем быстрее человек сгорит. Степень горения определяется в основном образом жизни, эмоциональной и психологической нагрузками. Жизненная энергия, как я уже сказал, невозполнима, в отличие от энергии физического тела, из чего и возникла проблема: контроль над порождениями враждебного мира даётся нам нелегко и забирает много жизненной энергии, так как управление осуществляется даже не мысленно, что больше относится к затрате физического тела, а энергетически. Аномальная энергия дала нам больше возможностей, чем нам было дано от природы. Однако, несмотря на то, что мы обладаем сверхспособностями, запасы жизненной энергии у нас остались такими же, какими были на момент две тысячи шестого года, то есть как у обычных людей. Таким образом, на нынешний момент от первоначального состава в тринадцать человек «осознанцев» осталось всего семь, считая нас, остальные просто «сгорели». В связи с этим контроль над Зоной со стороны нашей организации существенно ослаб...

— Так вот почему в последнее время повышена аномальная и мутантская активность, — догадался я, перебив Хозяина Зоны. — И выброс был такой мощный.

— Именно поэтому, — закивал Дмитрий. — Мы могли сосредоточить все оставшиеся силы на своей главной цели — противостоянии Зоне. Но ввиду того, что мы уже достаточно истощились в плане жизненной энергии, а заменить нас в дальнейшем будет просто некому, нас хватило бы максимум на два года. И тогда мы решили пойти на риск: ослабить и без того слабое влияние на порождения атакующего нас мира, отделив из «О-сознания» на время двух участников, и отправиться на поиски тех, кто нас заменит...

— Почему я? — сипло спросил я, поняв всё.

— Так получилось. Совершенно случайно. Видите ли, нас срочно нужны были новые люди. Однако избирать на такой высокий пост совершенно незнакомого человека было бы всё же неразумно, потому что он мог оказаться жадным и весь переполненным амбициями. Да и слушать нас, заведи мы такой разговор, никто бы не стал. Было бы проще сразу сдать и не истязать себя попусту... Исходя из всего этого, мы решили устроить человеку

небольшую проверку, в результате которой должно выясниться, готов ли он вступить в «О-сознание», или же нет...

— А я типа прошёл вашу проверку?

— Да, — улыбнулся Дмитрий. — Во-первых, ты добрый. Иначе не взял бы нас в ведомые и не заступился бы за Татьяну в баре. Во-вторых, ты рассудительный. Случай с Рейсером подтверждает это. В-третьих, ты терпеливый. Не обессудь, но своим упрямством и занудством я это проверял. Как минимум этими тремя качествами должен обладать тот, от чьего решения зависят судьбы многих людей. Кекль, наконец-то наш разговор подошёл к своему апогею. Сталкер, ты готов вступить в «О-сознание», чтобы защищать мир от Зоны? Думаю, то, что я рассказал, не даст тебе остаться равнодушным.

Вступить в «О-сознание», навсегда лишившись возможности быть человеком, стать роботом, запрограммированным на защиту мира от Зоны, борьбу с мутантами... Во имя счастья обычных мирных граждан, проживающих за пределами периметра зоны отчуждения. Стоит ли отдать жизнь за то, чтобы Киев, Москва, Питер и другие крупные города Азии и Европы не стали такими же безлюдными и опустевшими, как Припять? Чтобы в этих городах всегда звучал смех детей, гудки машин, чтобы люди в них были счастливы?..

— Ну ты только представь, — Дмитрий решил мне помочь принять правильное решение, — сможешь судить мародёров, спасая честных бродяг. Сможешь сделать так, чтобы в Зоне всё было построено только на доверии и чести. В конце концов, ты же сам хотел, чтобы таких, как Рейсер было меньше.

Я с опаской посмотрел на Хозяина Зоны.

— А откуда ты знаешь, чего я хотел?

— Я же говорил, что мы имеем некоторое преимущество над людьми: мы можем читать их мысли, неглубоко проникать в сознание, заставляя увидеть то, что хотим мы. Да, Кекль, мы пудрили тебе всё это время мозги, представляя в образе двух дурачков. Но не беспокойся, мы не можем управлять людьми, потому что их сознание устроено гораздо сложнее, чем у выходцев из мира за Монолитом.

— Стоп! А раз вы — Хозяева Зоны, то почему не отогнали мутантов, нападавших на нас во время пути? Для вас же это — тьфу.

— Да потому что управлять одним человеком — это как держать контроль над десятью контролёрами, а мы, кстати, как это не прискорбно, самые ослабленные «осознанцы», потому-то нас и отправили, как говорят оперативники, «ловить на живца». Однако мы старались по мере сил отгонять мутантов: задержали на время снарков возле туннеля, иначе бы мы все погибли. Натравили кровососа на чернобыльца. Сбили вертолёт. А наши коллеги по мере сил помогали нам, однако пришельцы почувствовали, что мы ослабли, и усилили давление, чаще проникали в наш мир через Монолит, так что помощь из «О-сознания» была мизерной... В общем, я всё сказал. Решай, Кекль, решай.

А что тут решать. У меня нет другого выбора, как согласиться! Конечно, я могу отказаться вступать в «О-сознание», уехать куда-нибудь далеко-далеко, но совесть меня замучает, я буду всю оставшуюся жизнь винить себя в том, что из-за меня погибли миллионы невинных людей. Не из-за меня, но я их не спас, а значит, причастен к их гибели. А раз выбросы стали такие мощные, что я даже сознание теряю, и повышена аномальная активность, я не проживу здесь эти два года. И так, и эдак, плохо.

— Я озвучу своё решение... — произнёс я. — И не пытайся заглянуть мне в голову, я сейчас вообще не о том думаю! Но для начала ответь на два вопроса: первый — что

случилось с Киrom? И второй — разве с меня одного будет толк?

Дмитрий смущённо почесал нос, глянул на то место, где исчез Кир. Ответил:

— Честно говоря, я точно не знаю, куда подевался твой друг. Но у меня есть одна догадка: наверное, наши коллеги запихнули его в пространственный пузырь, потому что он пока не готов стать Хозяином Зоны. С тебя одного действительно не будет толку, но мы приведём ещё людей. Озвучь скорей решение, сейчас каждая минута дорога, наши коллеги держатся из последних сил.

— Стоп, я же обычный человек, как же я обрету способности, что есть у вас всех? — Ужасная догадка пробежала у меня в голове. — Вы меня облучить аномальной энергией хотите, да?!

— Не порите чушь, — поморщился Дмитрий, почему-то снова обращаясь официально, — если облучить вас аномальной энергией, шанс, что вы не умрёте, один из десяти тысяч. Там другой способ. Вам нужно будет прикоснуться к Монолиту. Это не опасно.

— Откуда знаете? — насторожился я.

— Потому что один... умник уже так сделал. Правда, он погиб, потому что его главное желание было — богатство и роскошь. Но раз Монолит искажает проходящих через него существ, значит, желание того человека существа из враждебного мира прочитали как злобу. Следовательно, прикасаясь к Монолиту, нужно думать о том, что вам дороже всего на Свете, о чём-то хорошем, в общем. Тогда инопланетяне воспримут желание человека как намерение мирно переговорить или подружиться, что-то в таком роде.

Я задумался. Раз наши с Дмитрием мнения относительно Кира совпадают, значит, он действительно попал в пространственный пузырь, коих по Зоне понатыкано великое множество. Скорее всего, приятель жив, здоров, за него не нужно беспокоиться. А вот за целые страны, если Зона начнёт разрастаться...

— Я согласен...

Ровно через месяц «О-сознанию» удалось снова взять Зону под свой полный контроль. Теперь численность этой организации составляла пятнадцать человек, восемь из которых были молодыми и полными энергии. Никто не знает, на сколько их хватит, но теперь точно известно, что всегда найдутся те, кто пожертвуют собой ради других.

Больше книг на сайте - Knigolub.net